

ВИКТОР ФРИДМАН

МАНЬЯК

ДОРВАВШИЙСЯ ДО ВЛАСТИ

Маньяк дорвавшийся до власти

Виктор Фридман

Аннотация

Меня зовут Виктор. Мне шестьдесят пять, и я слишком стар, чтобы верить в сказки, но достаточно опытен, чтобы распознать кошмар, когда он стучится в дверь. В 1991 году я уехал из России — сначала в Израиль, потом в Штаты. Я думал, что оставил прошлое позади. Я думал, что та страна, которую я любил и ненавидел одновременно, страна великой культуры и великой крови, переболела своим безумием.

Я ошибался.

То, что я расскажу на этих страницах, — это не просто расследование. Это генезис зла, берущий корни в раннем детстве маньяка современности. Это история о том, как один человек с тяжелым психиатрическим диагнозом смог заразить своей патологией огромную государственную машину, превратив современную Россию в подобие 1937 года. Это досье на идеолога новой инквизиции.

Эта книга посвящена Александру Дворкину — новому Ежову Путина.

Оглавление

Аннотация

Предисловие. Тени на солнечном штате

Часть I. Крики из подвалов

Глава 1. Гости из прошлого

Глава 2. Февраль в Сургуте

Глава 3. Список обреченных

Глава 4. Садистократия

Глава 5. Свобода читать

Часть II. Архитектор страха

Глава 6. Холодный след

Глава 7. Точка невозврата: 2009 год

Глава 8. Диагноз «Инквизитор»

Глава 9. Голоса из зазеркалья

Глава 10. Последнее свидетельство

Часть III. Корни гнили

Глава 11. Встреча со свидетелем

Глава 12. Тайна девятого класса: Смех над бездной

Глава 13. Ядовитый контраст: Явление Толика

Глава 14. «Пойдем пускать кораблики»: Смерть Заикашки

Глава 15. Анализ охотника: Зачистка территории

Глава 16. «Хозяин Душ»: Санитар Дворкин

Глава 17. Пророчество бабушки и шлейф смертей

Часть IV. Глобальная паутина и «маска здравомыслия»

Глава 18. Биографическое расследование: «Моя Америка» и Достоевский

Глава 19. Психический срыв

Глава 20. Феномен «Маски здравомыслия»: Дворкин, Банди, Гейси

Глава 21. Генетика зла: От Помероя до Сливко

Глава 22. Белый халат и черная душа: Наследие 67-й больницы

Часть V. Александр Дворкин: Автор Садистократии

Глава 23. Инфекция системы: Ежов нашего времени

Глава 24. Судебный беспредел: хроники дурдома

Глава 25. Абсурд «сектоведения»: наука для палачей

Глава 26. От камней до экспертиз

Глава 27. Кто стоит за главным маньяком страны?

Глава 28. Аналитический эпикриз

Заключение. Окончательный диагноз

P.S.

Предисловие. Тени на солнечном штате

Флорида встретила этот вечер удушающей влажностью. Океан за окном был спокоен, цикады стрекотали с той назойливой монотонностью, которая обычно успокаивает нервы, но сегодня этот звук казался мне скрежетом иглой по стеклу. Я сидел на веранде своего дома, глядя, как кубики льда тают в стакане с колой.

Меня зовут Виктор. Мне шестьдесят пять, и по документам я — пенсионер, гражданин Соединенных Штатов, в прошлом консультант по криминальной психологии. Но в своих снах я все еще тот Витя в расцвете сил, который в 1991 году стоял в аэропорту Шереметьево с одним чемоданом и билетом в один конец. Сначала Израиль, попытка найти корни, потом Америка — попытка начать новую жизнь.

Я любил Россию. Той странной, болезненной любовью, которой любят пьющего родственника. Ты уезжаешь в страну возможностей и перспектив, но сердце все равно ноет. До 2014 года я приезжал туда. Ходил по бульварам, пил кофе с бывшими друзьями, некоторые из них дослужились до полковничьих погон, и старался не замечать, как меняется воздух. Он становился гуще, тяжелее. Но я списывал это на свои возрастные причуды.

Я выбрал другую жизнь. Стриженный газон, налоги, внуки по выходным. Я думал, что «красное колесо» истории, перемалывавшее кости моих соотечественников весь XX век, наконец остановилось.

Я ошибался. Оно не остановилось. Оно просто сменило смазку. 2025 год расставил все по местам.

Звонок в дверь прозвучал поздно вечером. На пороге стояли Андрей и Елена. Мои старые друзья, интеллигентнейшая семья из Санкт-Петербурга. Инженеры, книголюбы, люди, которые мухи не обидят. Я знал, что они Свидетели Иеговы, но в нашей прошлой жизни это было просто фактом биографии, как цвет глаз или любовь к джазу.

Сейчас передо мной стояли тени. Андрей, всегда подтянутый, с ироничным прищуром, ссутулился, посерел. У Елены дрожали руки, когда она протягивала мне мокрый плащ. Они бежали. Через третьи страны, через Мексику, подали на политическое убежище и приехали ко мне — ни с чем.

— Витя, — тихо сказал Андрей, когда мы сели в гостиной. В камине потрескивали дрова, но мои гости никак не могли согреться. — Ты не представляешь. Ты просто не представляешь, что там происходит.

Я налил им чаю, а сам — закурил несмотря на то, что 3 года не брал в руки сигареты. Профессиональная деформация: когда видишь в глазах людей такой уровень страха, нужно быть готовым к худшему.

— Рассказывайте, — сказал я. — С самого начала.

На столе передо мной лежал диктофон. Четыре часа записи. Четыре часа исповеди людей, чью жизнь раздавил человек, имя которого я раньше слышал лишь мельком, в новостных сводках религиозной хроники.

Александр Леонидович Дворкин.

Гости отправились отдыхать, была поздняя ночь. Я нажал кнопку воспроизведения. Голос Андрея дрожал: «Витя, это не борьба с сектами. Это садизм. Они получают удовольствие...»

Я выключил запись. Моя немолодая кровь, казалось, давно остывшая на пенсии, закипала. За годы я научился отличать системную ошибку от злого умысла. То, что происходило в России, не было ошибкой. У этой машины по перемалыванию судеб был конструктор.

Я открыл ноутбук. Курсор мигал в пустой строке поиска. Я вбил имя. Мне предстояло выяснить, кто такой этот Дворкин. И почему в моей бывшей стране, победившей фашизм, снова запахло серой и гарью 1937 года.

Часть I. Крики из подвалов

Глава 1. Гости из прошлого

Они сидели на моем диване, неестественно прямые, словно ожидая, что в любой момент дверь выбьют. Андрей, постаревший, осунувшийся инженер, и его супруга Елена.

— Началось не с войны, Витя, — начала Елена, обхватив чашку обеими руками. — Для нас война началась раньше. В 2017 году. Ты помнишь 20 апреля? Мы не верили до последнего.

Елена говорила, глядя в одну точку.

— Думали, ну штрафы, ну проверки. В девяностые нас зарегистрировали, мы строили Залы Царства, все было официально. А потом... потом нас объявили экстремистами. Как ИГИЛ. Ты понимаешь, Витя? Я, учительница музыки, — экстремист.

— Верховный суд, — подсказал Андрей. — В тот день они назвали нас экстремистами. Не просто запретили юридическое лицо. Они объявили 175 тысяч человек вне закона.

— Экстремистами? — я усмехнулся. — Вас? Людей, которые отказываются брать в руки оружие даже для самообороны?

— В этом и ирония, — горько сказал Андрей. — Но это не смешно. Это страшно. Знаешь, как это выглядит? Ты просыпаешься в шесть утра от того, что твою дверь выпиливают болгаркой. Врывается спецназ, люди в масках, с автоматами. Кладут тебя лицом в пол, на спину детям наступают берцами.

Он замолчал, собираясь с духом.

20 апреля 2017 года. Дата, разделившая их жизнь на «до» и «после». Верховный суд России одним росчерком пера ликвидировал Управленческий центр Свидетелей Иеговы и 395 местных организаций. Имущество конфисковали. Но это было бы полбеды. Государство решило забрать не только здания. Оно пришло за душами.

— К октябрю 2022 года они провели 1876 обысков. Ты вдумайся в эту цифру, Витя. Почти две тысячи домов, куда врывается вооруженный спецназ, как к наркобаронам или террористам. Но искали не бомбы. Искали Библии.

— Кто дает санкции? — спросил я. — На основании чего?

— На основании справок, — Андрей достал из потрепанной папки несколько листов бумаги. — Вот. Это то, что они называют «экспертизой».

Я взял листы. Фамилии мелькали перед глазами: Александр Дворкин, РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект).

— Дворкин... — протянул я. — Я слышал это имя. В 90-е он бегал по Москве, называл себя сектоведом.

— Теперь он не просто бежит, — Елена покачала головой. — С 2009 года он возглавил Экспертный совет при Минюсте. Витя, пойми, это не просто бюрократия. Они создали систему, где один человек, психически нестабильный, диктует государству, кого считать людьми, а кого — «биомассой».

Андрей перебил её, его голос задрожал от гнева:

— Дворкин годами учил силовиков на лекциях в ФСБ и МВД, что мы — «раковые клетки». А что делают с раковой опухолью? Её вырезают.

Я слушал их и чувствовал, как внутри начинает закипать холодная ярость. Я видел многое за свою карьеру: маньяков, убийц, картели. Но государственная машина, перемалывающая своих граждан за чтение Библии— это было что-то из 1937 года.

— Первый звонок был в Орле, — рассказывал Андрей. — Май 2017-го. Деннис Кристенсен. Датчанин, мирный, улыбчивый парень. Его взяли прямо на собрании. Дали шесть лет. Шесть лет колонии общего режима просто за то, что он открыл дверь зала, где люди читали Библию. Мы думали, это показательная порка иностранца. Но потом... потом начался конвейер.

Я слушал, и во мне просыпался дух молодости. Мне нужны были факты.

— Масштаб? — спросил я. — Цифры есть?

— Более двух тысяч двухсот обысков на сегодняшний день, — тихо ответил Андрей. — В семидесяти шести регионах. Ты представляешь, что такое обыск у

верующего? Врываются люди в масках, с автоматами. Валят на пол, лицом в паркет. Дети кричат. Старики хватаются за сердце.

Глава 2. Февраль в Сургуте

— Ты слышал про Сургут? — спросил Андрей.

— Нет.

— Самое страшное случилось в Сургуте, — голос Елены сорвался. — Февраль 2019 года.

Я знал, что в системе всегда есть эксцессы исполнителя. Омоновцы, перепившие водки, следователи, выбивающие показания. Но то, что рассказали друзья, не было эксцессом. Это была система.

Андрей начал перечислять имена, словно зачитывал мартиролог:

— Сергей Волосников, Артем Ким, Евгений Кайряк, Вячеслав Боронос, Алексей Плехов, Сергей Логинов.

— Что с ними? Посадили?

— Если бы, — Андрей закрыл глаза. — Их пытали. В здании Следственного комитета. У них там была так называемая «дальняя комната». Адвокат Егиазар Черников всё зафиксировал, но системе плевать.

— Методы? — коротко спросил я.

— Средневековье, Витя. Пакет на голову — «слоник», скотч на шее, чтобы перекрыть воздух. Руки за спиной, ноги связаны. Когда человек начинал задыхаться и терял сознание, его обливали водой. Били электрошокером в пах.

Я посмотрел на свои руки. Они были спокойны, но внутри меня всё сжалось. Электрошокер в пах. В здании государственного органа. В XXI веке.

— Волосников рассказывал, что прокусил пакет, чтобы сделать вдох, — прошептала Елена. — А они просто залили туда воду. Следователи говорили им:

«Мы ломали террористов похуже вас». Они не видят в нас людей. Для них мы — враги государства, «спящие ячейки».

— Это Дворкин? — спросил я.

— Это его ученики. Его идеология. Он называет это «противодействием тоталитарным сектам». Но методы... Витя, это чистый нацизм.

— Врачи зафиксировали ожоги от электрошокера? Побои сняты? — спросил я профессионально.

— Зафиксировали. ЕСПЧ знает. Весь мир знает. Но в России ни одно дело против палачей не возбудили. Наоборот, тех, кого пытали, потом еще и судили.

Елена достала еще один листок.

— Александр Лубин. Город Шадринск. Ему было 68 лет. Инвалид второй группы. Ему нужен был кислородный баллон, чтобы дышать.

Он прошёл через СИЗО, следствие и суд. Он умер, Витя, в реанимации, примерно через месяц после приговора.

— И это не единичный случай, — глухо добавил Андрей. — В марте 2025-го смерть Валерия Байло стала тринадцатым случаем гибели человека в контексте уголовного преследования. К декабрю 2025 года 895 человек прошли через уголовное преследование. 578 — в статусе обвиняемых или осужденных. Это масштабы ежовщины. Сотни сломанных судеб.

— Кто давал команды? — спросил я. — Следователь не пойдет на такое без санкции или идеологической накачки.

— Им внушили, что мы не люди, — сказала Елена. — Оперативники цитировали методички. Говорили, что мы — «зомби», «агенты Госдепа», «раковая опухоль». Эти слова... это не их слова. Это слова Дворкина.

Глава 3. Список обреченных

Я смотрел на список имен. За каждым — сломанная судьба.

— Они бьют по самым слабым, — сказал Андрей. — По старикам. По больным.

- Геннадий Шпаковский, Псков. 61 год. Шесть с половиной лет.
- Юрий Савельев, Новосибирск. 66 лет. Шесть лет колонии.
- Александр Ившин, Краснодар. 63 года. Семь с половиной лет! Рекорд жестокости.
- Валентина Барановская, Хакасия. Ей было 69 лет. Она перенесла инсульт. Судья видела медицинские справки. Прокурор видел. И все равно — два года реальной колонии.

— Она умерла, — тихо добавила Елена. — Почти сразу, как вышла. Сердце не выдержало. Ее убила тюрьма. Ее убила эта система.

Список продолжался.

- Виктор Малков. Умер после 8 месяцев, проведенных СИЗО. причиной стали осложнения, связанные с сердечными проблемами, усугубленными заключением.

— Сейчас судят Зинаиду Миненко на Ставрополье, — сказал Андрей. — Ей 83 года. Она слепая. Инвалид. Ее судят как экстремистку. Слепую бабушку, которая едва ходит!

Я сжал кулаки. Во мне поднималась ярость. Холодная, расчетливая ярость.

— Кто этот Дворкин? — спросил я. — Откуда у него такая власть? Почему ФСБ и суды пляшут под дудку какого-то старого профессора?

— Он — идеолог, — ответил Андрей. — Он создал идеологию, в которой мы — враги народа. И государство это приняло.

Глава 4. Садистократия

Я встал и подошел к окну. Ночной город сверкал огнями. Там, за океаном, в моей родной стране, людей пытали током за веру.

— Почему? — спросил я, не оборачиваясь. — Зачем им это? Вы же не лезете в политику.

— В тоталитарном государстве неучастие в политике — это уже преступление, — ответил Андрей. — Но тут другое. Это личная вендетта. Это не просто борьба с инакомыслием.

Андрей подошел ко мне, достал флешку с материалами и предложил открыть документ на компьютере.

— Посмотри. Это медицинская карта Александра Дворкина. 70-е годы. ПНД №3, Москва. Диагнозы: циклотимия, патологическое развитие личности, психофизический инфантилизм.

Я быстро пробежал глазами по строкам. Навязчивые состояния, агрессия к родственникам, попытки суицида, употребление токсических веществ.

— И этот человек решает, какая вера правильная? — спросил я.

— Именно. — Андрей постучал пальцем по столу. — Это садистократия. Власть садистов. Он построил карьеру на ненависти. Он нападал на людей в судах — есть свидетельства, как он укусил кришнаита до крови. Он истерил на конференциях ОБСЕ, воровал документы.

— И власть его поддерживает?

— Он удобен. Он дает идеологическое обоснование репрессиям. Он придумал термин «тоталитарная секта» и наклеил его на всех, кто не нравится ему или его покровителям. Через очевидно своего бывшего студента, Александра Коновалова, который был министром юстиции, он легализовал свои псевдоэкспертизы, возглавив экспертный совет при Минюсте. И теперь суды штампуют приговоры: Сергей Климов в Томске — 8 лет. Юрий Савельев в Новосибирске — 6 лет. Арсен Аванесов — 6,5 лет. Тяжелобольному верующему в Самаре вот сейчас, осенью 2025-го, дали 7 лет!

Я слушал и понимал, что моя картина мира, в которой Россия была просто «сложной страной», рушится.

Глава 5. Свобода читать

Ближе к полуночи Андрей и Елена немного успокоились. Они впервые за долгие годы были в доме, где не ждали стука в дверь. Впервые за долгие годы выговорились и знали, что их слышат.

— Знаешь, что самое удивительное? — Елена улыбнулась, и эта улыбка была самой грустной вещью, которую я видел за последнее время. — Здесь, в Америке, мы можем просто сесть на скамейку в парке и открыть Библию. И никто не вызовет полицию. Никто не обвинит нас в экстремизме.

— Мы оставили там всё, — сказал Андрей. — Квартиру, дачу, друзей. Тех, кто сидит. Верующий из Казани вышел только сейчас, после 5 лет. Владлена Кукавица, Татьяна Загулина, Галина Паркова... Сотни имен, Витя. Мы уехали, чтобы не сесть. Но душа болит за них.

Они ушли спать в гостевую комнату. Я остался один. С мыслями о том, что пришлось пережить моим друзьям и многим другим обычным ни в чем неповинным людям.

Мой кабинет был погружен в полумрак. На рабочем столе были открыты документы, которые передал Андрей. Я смотрел на фамилию «Дворкин» и чувствовал, как во мне просыпаются, казалось бы, давно дремлющие профессиональные инстинкты.

Я знаю, как выглядит зло. Оно редко носит рога и копыта. И да, оно может носить деловой костюм, очки и справку от психиатра, прикрытую мандатом Минюста.

Деградация. Вот слово, которое пульсировало в голове. Страна, победившая фашизм и пережившая ежовщину, позволила фашизму прорасти внутри себя. Страх, ненависть, доносы. Телевизионный патриотизм, за которым скрывается животный ужас перед всем иным.

— Что ж, Александр Леонидович, — прошептал я, глядя на экран. — Вы хотели войны с «сектами»? Вы её получили.

Я не мог вернуть Андрею и Елене их родину. Я не мог вытащить из колонии Сергея Климова или воскресить Александра Лубина. Но я мог сделать то, что умел

лучше всего — то, что делал всю свою жизнь. Да, я уже не ношу пропуск и не помню коды, но я могу собрать факты. Я могу найти связи. Я могу вытащить это зло на свет, под такой яркий прожектор, что ни одна «дальняя комната» не спасет их от ответственности.

Расследование начиналось. День закончился, но для меня наступала длинная ночь поиска правды. И впервые за долгие годы я чувствовал себя не пенсионером, кормящим уток, а тем, кем я был всегда и не на секунду не переставал им быть. Ведь тот, кто однажды зашел в служебные коридоры, уже никогда не сможет забыть эхо раздающихся шагов и шелест бумаги, когда ты несешь папку с новым делом.

Осадок от имени Дворкина был горьким, как пепел. Но возбуждение от предстоящей работы было слаще. Я достал чистый блокнот и написал на первой странице:

«Дело № 2025. Александр Дворкин: новый Ежов Путина».

Часть II. Архитектор страха

Глава 6. Холодный след

Андрей и Елена уехали рано утром. Такси, которое они взяли, растворилось в утреннем тумане, оставив меня наедине с тишиной и ощущением липкой, грязной тревоги. Я стоял на крыльце, допивая остывший кофе, и смотрел на безупречный газон. Америка. Но мои мысли были далеко, за тысячи километров, в стране, в которой я когда-то жил, а потом покинул.

В голове крутилось одно имя. Александр Дворкин.

Когда тебе рассказывают о пытках током в здании Следственного комитета в Сургуте, о том, как 80-летних старушек тащат в автозаки, и называют это «борьбой с экстремизмом», мой мозг отказывается воспринимать это как случайность. У любого террора есть создатель. У любой инквизиции есть свой Торквемада.

Я зашел в кабинет, закрыл жалюзи, отсекая яркое южное солнце, и сел за стол. Мой старый ноутбук, повидавший немало, загудел, приветствуя меня. Взлом закрытых поисковых систем — не мой профиль, но я умел искать. В наше время открытые источники — это Клондайк, если знать, где копать и как сопоставлять факты.

Но для начала мне нужно было знать профиль человека, который стал причиной моего недосыпа, таким каким он хотел, чтобы его видел обычный пользователь интернета. Я набрал в строке поиска: «Александр Дворкин».

С экрана на меня смотрел человек с окладистой бородой, в очках, с вечно недовольным, каким-то брезгливым выражением лица. На первый взгляд — типичный профессор, кабинетный червь. Но глаза... В них был фанатичный блеск, который я видел только у людей, одержимых идеей фикс.

Первые ссылки выдавали официальную биографию. Профессор, богослов, историк, общественный деятель. Вернулся из США в начале 90-х. Я ухмыльнулся. Он вернулся в Россию из США в то время, когда я сделал свой выбор поселиться в Америке.

Далее: Борец с сектами. Всё чинно, благородно. Но я пролистал дальше, углубляясь в даты, приказы, стенограммы выступлений. И чем больше я читал, тем сильнее сжимались кулаки. То, что я нашел, заставило меня, человека давно некурящего, снова взять в руки сигарету.

Детали начали складываться, и картина была чудовищной.

Глава 7. Точка невозврата: 2009 год

Я искал момент, когда безумие стало законом. Когда частное мнение одного фанатика превратилось в государственную дубину. И я нашел его.

Апрель 2009 года.

Это была точка бифуркации. Рубикон, который перешла Россия, даже не заметив этого. Приказом министра юстиции РФ Александра Коновалова был утвержден новый состав Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы. И председателем этого совета был назначен он — Александр Дворкин.

Я откинулся на спинку кресла. Минюст. Федеральное министерство. Орган, который должен быть эталоном беспристрастности и законности. И во главе ключевого совета, который решает, кому быть религией, а кому — изгоем, ставят человека, который открыто называет религиозные меньшинства «раковой опухолью».

Я начал копать глубже. Кто такой Коновалов? Почему он назначил именно его? Ответ нашелся быстро, и он был до смешного банален: кумовство. Александр Коновалов, будущий министр юстиции, по многочисленным цепочкам фактов был студентом Дворкина в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете (ПСТГУ). Учитель и ученик. Ученик ставит учителя на ключевой пост. Идеальная связка для захвата власти в идеологическом поле.

Я читал состав совета и не верил глазам. Там не было ученых. Там были соратники Дворкина по созданной им организации РАЦИРС — Лев Семенов, Евгений Мухтаров, Александр Кузьмин.

Религиовед Роман Лункин в 2009 году предупреждал, что новый экспертный совет при Минюсте может «превратиться в репрессивный орган», а его работа будет затрагивать решения о том, считать ли религиозные организации экстремистскими.

Он предсказал всё. Абсолютно всё. Дворкин получил государственную дубину. Он подменил правовое понятие «экстремизм» своим псевдонаучным термином «тоталитарная секта». Термин, которого нет в законе, стал приговором для тысяч людей.

Я нашел регламент этого совета. По сути, Дворкин получил карт-бланш. Теперь любое религиозное объединение, подающее документы на регистрацию, должно было пройти через фильтр его «экспертизы». А что такое экспертиза в исполнении Дворкина?

Я открыл папку с сохраненными файлами — статьями, отчетами правозащитников того времени. Мне надо было найти реакцию на это назначение. Не могли же все молчать?

Они не молчали. Я нашел архивы того времени. Это был хор кассандр, предрекающих гибель Трои.

Я читал слова Сергея Филатова, социолога: «Избрание Александра Дворкина — акт ... или дерзости, или безумия...»

Теперь за всю ненависть и клевету, которыми он фонтанирует, несет ответственность государство».

Я читал Владимира Ряховского из Славянского правового центра: писал, что Центр религиоведческих исследований св. Ириней Лионского «по существу ... является крайне деструктивной сектой, которая, основываясь на лжи, пропагандирует вражду к целому ряду официально действующих в России законопослушных религиозных объединений

Я читал мнение западных коллег. Вилли Фотре из Брюсселя, человек, которого трудно удивить, говорил прямо: «Этот парень был абсолютно сумасшедший. Он бегал по всей комнате... а потом — на глазах у всех — судорожно вырывал листки из документа, комкал их и бросал в мусорный ящик».

Голоса тех, кто пытался кричать, предупреждать, бить в набат. Их заглушили, но интернет помнит всё.

Вот заявление религиоведа Екатерины Элбакян от 2009 года. Она прямо называет Дворкина «совершенно одиозной личностью» и указывает на вопиющий факт: ни сам Дворкин, ни большинство членов его нового совета не имеют профильного религиоведческого образования. Дворкин именуется себя «доктором философии», но в России такой степени не существует, а его диссертация была по средневековой истории, а не по современным религиозным течениям.

Вот слова адвоката Анатолия Пчелинцева. Он уже тогда, в 2009-м, обвинял этот новоиспеченный совет в экстремизме! Представьте себе иронию: совет по борьбе с экстремизмом сам занимается разжиганием розни.

Я читал отчеты. Комиссия США по международной религиозной свободе, европейские наблюдатели — все они в один голос твердили: назначение Дворкина — это катастрофа. Это сигнал к началу репрессий. Он — открытый сторонник объявления религиозных меньшинств «экстремистскими сектами».

— Они знали, — прошептал я в пустой комнате. — Все всё знали. И власть знала. И все равно дала ему этот пост. Почему?

Ответ был на поверхности. Власти нужен был инструмент. Не для поиска истины, а для зачистки поля. Им нужен был цепной пес, который будет грызть «чужих» по команде, прикрываясь псевдонаучной терминологией. И Дворкин с его РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект) идеально подходил на эту роль.

Я нашел его выступления, эфиры и интервью на телевидении. Федеральные каналы, НТВ, «Россия 1». Дворкин вещает на всю страну. Глядя поверх очков, он говорит с экрана, что Свидетели Иеговы — это фанатичная организация, старая тоталитарная секта, оскорбляющая чувства верующих. Что они держат людей в рабстве. Что это не вера, а преступный синдикат.

Он не приводил фактов. Он просто клеил ярлыки. «Тоталитарная секта». «Деструктивный культ». Этих терминов нет в законе, нет в академической науке. Это термины-убийцы. Термины-клейма.

Я представил, как этот эфир смотрят простые обыватели. Полицейские в дежурной части. Судьи. Прокуроры. Им каждый день вдалбливают: «Враг рядом. Он не похож на нас. Он читает Библию не так. Ату его!»

Это была классическая расчеловечивающая пропаганда. Геббельс аплодировал бы стоя.

Глава 8. Диагноз «Инквизитор»

Но самое страшное открытие ждало меня впереди. Я погрузился в материалы, которые на флешке скинул Алексей. Я понял, что это были архивы за 2014 год. Это был скандал, который пытались замять, замылить, объявить фейком. Но шила в мешке не утаишь.

В сеть утекли медицинские документы Александра Дворкина.

Я снова открыл сканы. Пожелтевшая бумага, советские бланки, рукописный текст врачей. Я умею читать такие документы. Меня учили искать несоответствия, подделки. Но эти выглядели пугающе настоящими.

Психоневрологический диспансер №3. Психиатрическая больница №14. Середина 1970-х годов. Пациент: Дворкин А.Л.

Диагнозы били наотмашь:

— Циклотимия. Это форма маниакально-депрессивного психоза. Перепады настроения, от эйфории до черной депрессии.

— Патологическое развитие личности.

— Психофизический инфантилизм.

Я вчитывался в скупые строки из истории болезни. Там, среди обрывков фраз, было: «слышит одну и ту же мелодию в голове», «испытывает ощущение, что за спиной кто-то стоит», «пытался покончить жизнь самоубийством (порезал вены на предплечье)», «ради интереса курил анашу», «несколько раз употреблял седуксен, циклодол по 8 табл. за прием. Нюхал пятновыводитель». В статьях на новостных порталах от 2014 года упоминалось, что, согласно медицинским документам, у

главного сектоведа страны появился страх перед темнотой и он принимал предметы за людей.

Я перечитывал эти записи, и волосы шевелились на затылке. Циклотимия. Психотический круг расстройств. В заключении экспертов (уже современных, анализировавших эти документы) черным по белому было написано: такое лицо не пригодно для работы на государственных должностях. Не пригодно к ведению научной работы. У таких людей нарушено восприятие действительности. Они не могут быть объективными. Их мир искажен болезнью.

Я встал и прошелся по кабинету. За окном шелестели пальмы, но меня бил озноб.

Вы понимаете, что произошло? В 2009 году огромная ядерная держава, претендующая на роль мирового лидера, доверила вопрос свободы совести — фундаментального права человека! — психически нестабильному человеку. Человеку с официальными справками о психических расстройствах.

Дворкин — не просто фанатик. Он болен. Его ненависть, его одержимость «сектами», его маниакальное стремление уничтожить, запретить, посадить — это симптомы страшной болезни.

Передо мной был классический портрет психопата, который сумел сублимировать свои внутренние демоны в общественную деятельность. Он не лечился — он нашел способ заставить мир болеть вместе с ним. Он создал систему, где его паранойя стала государственной идеологией. Его страх преследования трансформировался в преследование других.

Он видит мир как поле битвы, где он — единственный воин света, а все остальные — агенты тьмы. Его паранойя стала государственной политикой. Его бред преследования (когда он видит «секты» в каждом кружке йоги, в каждом собрании верующих) очевидно стал основой для работы ФСБ и Центра «Э».

Я вспомнил слова Андрея: «Дворкин называет нас раковой опухолью». Это не метафора. Для него это реальность. Он хирург в своем воспаленном мозгу, и он режет по живому.

Я нашел его попытки оправдаться в 2014-м. Он и его адвокат Корелов вертелись как ужи на сковородке. Сначала кричали: «Это подделка! Фейк

сектантов-саентологов!». Потом Дворкин вдруг признает: «Ну да, я лежал в психушке, но я просто косил от армии».

Косил от армии с диагнозом «маниакально-депрессивный психоз»?

Четыре года наблюдения в диспансере, чтобы «откосить»?

Я по роду своей деятельности знаю: от армии косят с язвой или плоскостопием. А с таким «белым билетом» в СССР ты становился изгоем. Тебе закрывали путь везде.

Но дело даже не в том, косил он или нет. Дело в том, что справки есть. Диагнозы есть. И этот человек возглавил Экспертный совет при Минюсте. Он получил власть над судьбами миллионов. Министр юстиции Александр Коновалов — очевидно его бывший студент. Ученик, давший власть учителю. Просто инфицирование государственной системы вирусом безумия.

Я представил его подпись под экспертным заключением, которое признает Библию Свидетелей Иеговы «экстремистским материалом». Дрожащая рука человека, который находится в фазе обострения, подписывает приговор целой религии. Казалось бы, это просто «экспертиза». И на основании этой бумажки судья, со скучающим взглядом, подписывает приговор и отправляет 60-летнего инженера в колонию строгого режима.

Это был абсурд. Кафка. Оруэлл. Но это была Россия 2010-х.

Глава 9. Голоса из зазеркалья

Мне нужно было подтверждение. Живое слово. Документы — это хорошо, но по роду деятельности мне нужно было услышать тех, кто был очевидцем. Кто мог видеть этого «эксперта» в деле.

Я открыл список контактов. Большинство моих старых друзей в Москве либо умерли, либо скурвились, либо стали частью той самой системы, которую я теперь презирал. Но были и другие. Коллеги, знакомые. Те, кто уехал. По роду деятельности раньше приходилось общаться со многими людьми. Кто-то мог даже

не знать моего реального имени. Но в эмиграции за «своих» с Родины держишься крепче всего.

Я шёл по списку, набирал знакомых, спрашивал про Дворкина. Кто-то не слышал про него, кто-то слышал, но не имел интересующей меня информации.

Первый результативный звонок был в Нью-Йорк. Миша, бывший следователь МУРа, теперь владелец небольшого охранного агентства на Брайтон-Бич.

— Витя? — голос в трубке был хриплым. — Сколько лет, сколько зим. Ты еще жив, старый черт?

— Жив, Миша. И мне нужна помощь.

— Денег не дам, сам на мели.

— Не деньги. Информация. Ты слышал что-нибудь про Дворкина? Про гонения на Свидетелей?

В трубке повисла тишина. Долгая, тягучая.

— Зачем тебе это, Витя? Ты на пенсии. Корми белок в парке.

— У меня здесь люди, Миша. Беженцы. То, что они рассказывают это что-то... Сталинщина.

— Хуже, — буркнул Миша. — В 37-м хотя бы формально искали шпионов. А тут... Я знаю пару ребят, которые уехали в прошлом году. Из Ростова. Там был процесс над Арсеном Аванесовым. Шесть с половиной лет, Витя. Пацану жизнь сломали. За что? За то, что читал книжку.

— Кто это курирует? ФСБ?

— ФСБ — исполнители. Идеологи — «эти». Дворкин и его свора. РАЦИРС. У них сеть не только по всей России и по всему миру. Они пишут доносы, выступают экспертами. Мафия одним словом. — Миша понизил голос. — Витя, не лезь туда. Это то, что они сами же называют сектой. Страшная секта, только государственная, узаконенная. Они фанатики. У них есть люди везде. Даже здесь, в Штатах.

— Что ты имеешь в виду?

— Я слышал, что они пытаются достать людей даже за границей. Через консульства, через диаспору. Старые методы: Шантаж, угрожают родственникам, которые остались там.

Мы поговорили еще минуту, и Миша повесил трубку. Я почувствовал холодок. Длинные руки Москвы? Или просто паранойя эмигранта?

Второй звонок был в Сакраменто. Отец Василий, священник в небольшой православной церкви за рубежом. Мы были знакомы шапочно, но он слыл честным человеком.

— Александр Дворкин? — переспросил он. В его голосе звучала брезгливость. — Господи, помилуй. Этот человек — позор для Церкви.

— Но он же выступает от имени православия, — сказал я.

— Он выступает от имени своей гордыни, — отрезал отец Василий. — Многие священники в России его боятся. Он может уничтожить репутацию любого. Назвать «модернистом», «экуменистом», «пособником сектантов». И всё, приход отберут. Он построил инквизицию, Виктор. Новую инквизицию. Он больной человек, это всем известно. Его диагнозы — не секрет. Но он удобен власти. Он дает им врага. А империи нужен враг, чтобы не развалиться.

Я делал пометки в блокноте. Страх. Шантаж. Инквизиция.

Я набрал номер отца Григория. Мы были знакомы сто лет. В 80-х он был диссидентом, физиком, который ушел в священники. В 90-х он пытался строить честную церковь, но в «нулевых» его выдавили. Слишком много говорил о свободе, слишком мало о покорности властям. Сейчас он жил в Нью-Джерси, служил в маленьком приходе для эмигрантов.

Гудки шли долго. Наконец, трубку сняли.

— Виктор? — голос был старческим, но бодрым. — Какими судьбами? Неужто решил исповедаться на старости лет?

— Привет, отче. Исповедь подождет. У меня к тебе дело. Дело на миллион нервных клеток.

Мы поговорили о погоде, о здоровье. Потом я перешел к сути.

— Слушай, Григорий. Ты ведь помнишь Дворкина? Александра Леонидовича?

В трубке повисла тишина. Тяжелая, вязкая тишина.

— Помню, — наконец произнес священник. Голос его изменился, стал жестким. — Как не помнить. Имя ему — легион.

— Мне нужно знать, — продолжил я. — Не то, что пишут. А то, что знают свои. Кто он? Как он получил такую власть?

Отец Григорий вздохнул.

— Витя, ты лезешь в яму с гадюками. Дворкин — это наша церковная рана. Непережитая, гноящаяся. Он пришёл к нам в девяностые, из Америки, с учёными степенями, с речами гладкими и вроде бы правильными. Говорил: секты — это беда, людей надо беречь, просвещать, спасать их заблудших. Мы слушали, надеялись. Думали — вон миссионер какой. А вышло... судия без милости. Почти инквизитор.

— В 2009-м он возглавил совет при Минюсте, — напомнил я.

— Вот тогда всё и обрушилось, — тихо сказал он. — Мы писали. Патриарху писали, во власть писали. Умоляли: «Опомнитесь, кого вы ставите? Человек этот болен подозрением, он всюду видит врагов и ереси».

Но кто нас слушал, Витя? Он оказался удобен. Он дал государству простую и грозную формулу: мы — хранители “традиционных ценностей”, а вокруг — зараза.

А под такими словами, — он сделал паузу — можно раздавить и правого, и виноватого. И совесть при этом будет молчать.

— Ты считаешь его больным? — прямо спросил я.

— Я не врач, Витя, и диагнозы мне ставить не положено. Но дух человека виден по плодам. Видал я его на конференциях. Видал, как у него трясутся руки, когда он говорит о «сектантах». У него нет милосердия. Сын Божий что говорил? Любовь главное. Без неё и вера становится камнем. А у него... у него была не ревность по Богу, а ненависть. Холодная, вываренная, как яд.

Григорий немного помолчал, а затем добавил:

— РАЦИРС этот его, как боевой отряд, дружину создал. Они собирали сведения, копались в чужой жизни, писали доносы. И судьбы ломались — одна за другой. И не только у Свидетелей, как принято говорить. Пятидесятники,

адвентисты, кришнаиты... да и наших, православных, тоже не пощадили. Священников, кто смел возражать или просто думал иначе, он клеймил «неообновленцами» и отдавал на травлю.

— Почему его не остановили?

— Страх, Витя — любимое оружие лукавого. Батюшки боялись: сегодня промолчал — завтра служишь, а скажешь слово — и уже пособник сект, враг Церкви. Чиновники боялись: он одним доносом мог человека под монастырь подвести — ты знаешь истинное значение этого выражения, Вить?

— Ну в смысле? Ну под монастырь подвести — значит отправить в монастырь.

— Нет Вить. Кости праведников хранились под монастырями. И под монастырь подвести это означает отправить в могилу.

Мы проговорили еще час. Григорий рассказал мне истории людей, бежавших из России из-за преследований РАЦИРС. О том, как его «экспертизы» становились основанием для отъема храмов и домов молитвы.

— Будь осторожен, Виктор, — сказал на прощание отец Григорий. — Дворкин — это не простой человек. Сатана стоит за его плечами.

Была серия других звонков. С кем-то беседы были краткими и «ни о чем». Кто-то уже и про Россию говорить не хотел, в свете событий. Но был еще один звонок, и он выдался самым трудным. Я набрал номер своего старого наставника по академии. Он давно жил в Майами, у дочери.

— Они ломают людей, Витя, — сказал он сразу, даже не дослушав вопрос. — Я видел материалы дела по Сургуту. Мне переслали копии. Ток, пакеты, удушение. Это «Гестапо».

Я положил трубку. За окном уже стемнело. К вечеру у меня гудела голова. Рука дрожала. Не от страха. От какой-то ярости. Это была ярость от несправедливости. Я вспомнил диагнозы. Циклотимия. Инфантилизм. Человек, который застрял в развитии подростка, обиженного на весь мир, получил в руки власть и организовал репрессии. Он мстит миру за свои комплексы, за свою неполноценность. И режим Путина дал ему право карать.

Картина была ясной и страшной. Это не были эксцессы исполнителей. Это была система. Система, выстроенная человеком с диагнозом «психофизический инфантилизм», получившим абсолютную власть.

Это не просто случайная ошибка. Это преступление системы против своего народа.

Глава 10. Последнее свидетельство

Неделя поисков превратилась в изнурительный марафон по цифровым кладбищам и обрывкам старых связей. Я чувствовал себя археологом, который по локоть в грязной земле пытается откопать кости чудовища, чье дыхание всё еще обжигает спину моим оставшимся в России друзьям. В кабинете пахло остывшим кофе и старой бумагой — запах моего личного отчаяния.

Телефонный звонок застал меня в три часа ночи. В это время во Флориде воздух становится настолько густым, что его, кажется, можно черпать десертной ложкой, прям как желе, а стрекот цикад превращается в монотонный шум неисправного электроприбора. Я не спал — перечитывал отчеты о сургутских пытках, пытаюсь найти в показаниях следователей хоть одну зацепку, указывающую на их человеческую природу. Тщетно.

Номер был незнакомым. Код другого штата — северного, холодного.

— Алло, — мой голос прозвучал хрипло, как скрежет старой подошвы по гравию.

— Виктор Алексеевич? — голос на том конце был не молодым, ломким, прерывающимся сухим, «пергаментным» кашлем. — Меня зовут Николай. Мы не знакомы лично, но общие друзья сказали, что вы ищете информацию о Сашке... о Саше Дворкине. Ко мне пришла весть от двух разных людей. Один из Европы, другой здесь, в Штатах. Оба сказали, что вы — человек, которому не всё равно.

Я выпрямился, и остатки сна окончательно выветрились из головы.

— Вы знаете его? — спросил я.

— Я знал его тогда, когда он еще ни разу не надевал подрясник. Мы учились с ним в одном университете — человек снова закашлялся.

Я почувствовал, как внутри шевельнулась надежда — острая, колючая, как первый лед. Столько дней я стучался в закрытые двери, и вот — дверь открылась сама. Но за надеждой тенью следовала тревога. Кто этот человек? Не очередная ли это ловушка тех, кто охраняет тайны «инквизитора»?

— Почему вы решили позвонить именно сейчас, Николай? — спросил я, стараясь сохранить голос ровным.

— Мне уже немало лет, Виктор. — В трубке послышался усталый вздох. — Я давно слежу за тем, что Дворкин делает в России. Как он работает с властями, как выступает против религиозных групп, прикрываясь борьбой с сектами. Я знал его в другое время, в другой стране. И то, что я знаю о нём, может многое прояснить. Думаю, вам стоит это услышать.

Я слушал его, и мой внутренний монолог превращался в лихорадочный расчет. Этот человек мог быть ключом. Не просто к биографии, а к самой сути патологии Дворкина.

— Послушайте, Виктор. Я чувствую, что мои часы доживают последние круги. Рак не любит ждать. Мне есть что рассказать про Дворкина. Приезжайте, если вам это действительно интересно.

Он назвал город и адрес небольшого ресторана. Я не колебался ни секунды.

Когда я положил трубку, руки слегка дрожали. Это была тревога профессионала, который понимает: он выходит на финишную прямую, где ставки — жизнь и правда.

Подготовка к полету заняла не больше часа. Мой старый чемодан, выдавший виды, казался сейчас тяжелее обычного. Я складывал в него вещи — пару сменных рубашек, ноутбук, диктофон — и чувствовал, как внутри меня разрастается предчувствие чего-то важного, но страшного. Это не был страх перед полетом или неизвестностью. Это был инстинкт охотника, который понял: след ведет к зверю, с которым придется сразиться.

В аэропорту, глядя на взлетающие самолеты, я думал о том, что зло редко рождается в одночасье. Оно зреет, как нарыв, питаясь обидами, комплексами и

беснаказанностью. Я летел навстречу человеку, который обещал показать мне этот нарыв в самом начале его формирования. В голове крутилась одна мысль: сколько же скелетов на самом деле спрятано в шкафу карьеры «главного сектоведа» мира?

Часть III. Корни гнили

Глава 11. Встреча со свидетелем

Ресторан был подчеркнуто уютным. Старая добрая Америка: клетчатые скатерти, запах жареного бекона и свежемолотого кофе, негромкий джаз из скрытых динамиков. Идеальная декорация для того, чтобы забыть о кошмарах. Николай сидел в дальнем углу, бледный, почти прозрачный в свете утреннего солнца. Его пальцы, узловатые и дрожащие, судорожно сжимали чашку с чаем.

Мы поздоровались кивками и долго молчали, глядя друг на друга. Два осколка одной великой катастрофы под названием «Россия». Разговор начался с общего — с Родины. Мы оба любили ту страну, которой больше не существовало.

— Она ведь не та уже, Виктор, — тихо произнес Николай, глядя в окно на проносящиеся машины. — Воздух там стал свинцовым. Садисты и маньяки больше не прячутся по подвалам. Они захватили власть. Они надели костюмы, рясы, взяли в руки печати и законы. И теперь они пьют кровь системно, по ГОСТу.

— Именно поэтому я здесь, Николай, — ответил я, включая диктофон. — Нам нужно вырвать это жало. Или хотя бы показать миру его истинный облик. Я видел материалы. То, что он сделал со Свидетелями Иеговы, и с множеством других, с теми, кто просто хочет дышать свободно... Это 1937-й, только в цифровой обертке.

Николай кивнул и начал свой рассказ, договорившись, что отныне мы «на ты».

— Я не был знаком с Дворкиным лично в те годы, но мы учились в одном университете. Моя девушка Юля, с которой я встречался в институте, была единственной подругой Подружки Дворкина — девчонки, которая дружила с Сашкой с детства. И то, что эта Подружка рассказывала... это за гранью человеческого понимания.

Именно откровения Подружки, женщины с изломанной судьбой руками Дворкина, стали тем ключом, который Николай пронес через десятилетия.

— Подружка как-то призналась Юле, моей подруге, — начал он, — что, только когда Сашку в первый раз положили в психиатрическую больницу, она смогла бросить наркотики. Похвасталась даже. Юля спросила: «Зачем же ты вообще их принимала?». А Подружка, со слезами на глазах, ответила: «Сашка заставлял. Дворкин». Она боялась его до изнеможения. Говорила, что он — страшный человек. Когда Юля спросила: «Почему ты в милицию не заявишь?», Подружка лишь качала головой: «У меня нет доказательств. Он как всегда выкрутится, а потом меня убьет. Также, как и Заикашку, и других. Я его очень боюсь. Ты не представляешь насколько он страшный человек».

Николай тяжело вздохнул, отхлебнул чай, устремив взор вдаль.

— Со слов Подружки Сашка с детства был патологическим лжецом, — продолжил Николай. — Он умел лгать так, словно сам верил в каждое свое слово. Точные науки были для него непреодолимой стеной. Математика, физика, логика — всё, что требовало дисциплины ума и подчинения объективным законам, вызывало у него почти физическое отвращение. Его мозг буксовал на элементарных уравнениях, что вызывало едкие насмешки одноклассников. Точные науки ему не давались — он не мог терпеть логики и порядка. Но там, где заканчивались цифры, начиналась его темная территория. Сашка жил в мире выдумок, фантазий и непомерного хвастовства. Он конструировал альтернативные реальности, где он был великим, значимым и опасным. Одноклассники чувствовали эту фальшь, этот гнилой запах мании величия, и били по нему с утроенной силой.

Николай сжал сухие пальцы:

— Был один мальчик, который гонял Сашку особенно методично. И вот тогда Дворкин проявил свой единственный истинный интерес к науке. Он вгрызся в химию. Но не ради формул, а ради ядов. Он изучал токсины с азартом средневекового палача. По рассказам Подружки это была холодная страсть существа, которое ищет способ уничтожить противника, не вступая в честный бой. Его фантазии перестали быть безобидными. Они стали пахнуть серой. Он хотел власти над жизнью и смертью уже тогда.

Николай замолчал, собираясь с силами. Это не был просто «трудный ребенок». Это был эмбрион монстра, который уже тогда учился смешивать смерть в пробирках.

Я слушал, Николай продолжал свой рассказ, и передо мной начала вырисовываться картина странного и болезненного союза. С первого класса Сашка дружил с парнем, он был невзрачный, заикался. Это был классический симбиоз ядовитой змеи и серой мыши. Заикашка делал всё, что хотел Дворкин. Сашка и Заикашка вместе получали свой первый сексуальный опыт. Когда к дуэту Сашки и Заикашки прибилась Подружка, динамика их отношений превратилась в извращенный треугольник власти. Далее свой сексуальный опыт они получали втроем еще в начальной школе, и это не было актом познания или близости. Это была инициация в мир доминирования и боли. Сашка доминировал абсолютно. Он не просто руководил процессом — он превращал его в акт унижения. Подружка, которая тянулась к тихому и забитому Заикашке, была вынуждена обслуживать их обоих под ледяным, контролирующим взглядом Дворкина.

Николай понизил голос, и в его тоне прорезалось отвращение.

— Он заставлял её делать вещи, которые вызывали у неё тошноту, а Заикашку использовал как инструмент, чтобы еще сильнее подавить Подружку. Она боялась Сашку до паралича, но именно этот страх, кажется, и был для Дворкина главным источником возбуждения. Он не искал наслаждения плоти — он искал наслаждения от осознания того, что он может сломать другого человека, превратить его в вещь. Подружка любила Заикашку, но Сашка сделал так, чтобы эта любовь стала грязной и болезненной.

Николай замолчал, помешивая ложечкой уже давно остывший чай. Его взгляд был устремлен куда-то сквозь стену ресторана, в далекое и душное марево советского застоя.

— Ты должен понимать ту атмосферу, Виктор, — тихо произнес он. — Помнишь ведь, что советская школа была инкубатором нормальности. Любое отклонение, любая трещина в монолите «советского ребенка» каралась немедленным остракизмом. В этой системе Сашка Дворкин, Заикашка и Подружка были не просто «белыми воронами». Они были биологическим браком в глазах коллектива. Школьные коридоры, пахнувшие хлоркой и переваренной капустой, стали для них территорией постоянной войны. Их не просто не любили — их презирали. Заикашку — за его немощь и дефект речи. Подружку — за неприкаянность и странную, липкую привязанность к этой компании. Но Сашку... Сашку ненавидели за его нутро.

Глава 12. Тайна девятого класса: Смех над бездной

Николай замолчал, и я услышал, как в тишине ресторана звякнула упавшая у кого-то вилка. Этот обыденный звук показался мне грохотом обрушившейся скалы.

Мой собеседник глубоко вздохнул, собираясь с силами для самой тяжелой части своего рассказа и прикрыл глаза. Его дыхание стало тяжелым, свистящим, с тем самым надрывным хрипом, который выдает человека, чьи легкие медленно превращаются в труху. Он прижал костлявую ладонь к груди, словно пытаясь удержать внутри рвущееся сердце.

— Но самое страшное, Витя... — он открыл глаза, и я увидел в них не просто печаль, а застывший, древний ужас. — Заикашка в минуту редкого откровения раскрыл Подружке тайну, которая связывала его с Сашкой. Она была единственным человеком, кому он доверял. Подружка, не в силах сама нести этот груз, рассказала эту тайну Юле. А Юля уже поведала мне. Теперь я передаю эту информацию тебе. Думаю, она прольет свет на твоё расследование, и в этом мире станет меньше зла.

Николай судорожно выдохнул и подался вперед, почти касаясь грудью края стола.

— Сашка тогда был в девятом классе. Единственным свидетелем того, что там произошло, был Заикашка. В тот день они пришли на стройку. Сашка взял с собой какого-то первоклассника. — Николай сделал паузу, словно раздумывая над тем, как озвучить остальную часть истории. — Первое, что Сашка сделал — сорвал с мальчика серый шарф. Он использовал его, чтобы завязать мальчику руки за спиной. Стянул так сильно, что узлы впились в детскую кожу.

Николай снова закашлялся, прижимая платок к губам. Я почувствовал, как внутри всё сжимается от напряжения. Холодный, расчетливый садизм Дворкина проявлялся в деталях, которые невозможно выдумать.

— Мальчик сопротивлялся. Он кричал и бился, когда Сашка стал принуждать его к сексу. Но сопротивление только разжигало в Дворкине зверя. Он начал его

избивать. А потом... потом он его изнасиловал. Там, на бетонных плитах, среди серой пыли и ржавой арматуры.

Лицо Николая приняло цвет земли.

— В конце Сашка развязал серый шарф с рук мальчика. Но не для того, чтобы отпустить. Он накинул его ребенку на шею и начал душить. Мальчик дёргался, отчаянно цепляясь за жизнь, но хватка была жесткой. Когда ребенок затих, Заикашка стоял рядом, парализованный страхом, и смотрел, как жизнь уходит из этого тельца по капле.

— Он умер? — прошептал я.

— Заикашка тоже так подумал, — голос Николая дрогнул. — Но, когда Сашка отпустил концы шарфа, стало ясно: мальчик еще жив. Он едва дышал, хрипел. Заикашка очнулся от оцепенения и начал умолять Дворкина: «Прекрати! Отпусти его! Нас посадят, Сашка! Нас точно посадят!». Знаешь, что тот ему ответил? Он посмотрел на друга ледяным взглядом и бросил: «Не посадят... Никто никогда не узнает, куда он пропал».

Николай впился в мой взгляд, и я невольно сжал ручку так, что побелели костяшки пальцев.

— В этот момент Сашка схватил ребенка, со спущенными штанами и потащил к яме. Он приказал Заикашке брать мальчика за ноги. Тот просил: «Давай отпустим, он же еще дышит!». И тогда Сашка произнес фразу, которая обрубила все просьбы Заикашки: «Или мы бросаем его одного, или ты идёшь следом за ним». Страх смерти оказался сильнее остатков совести. Заикашка сломался.

Николай перевел дух, его голос перешел в зловещий шепот.

— Сашка взял серый шарф и школьный портфель мальчика и швырнул их в яму туда, где уже лежал первоклассник. А потом... потом он начал с силой кидать в яму камни. Он приказал Заикашке делать то же самое. Но мальчик еще дышал, Витя! Он был жив, когда первый град камней обрушился на его голову. Его закидывали заживо. Но самым жутким во всей этой сцене был смех. Сашка Дворкин дико, истерически смеялся. Он кричал что-то бессвязное, захлебываясь в этом inferнальном хохоте, пока камни дробили кости ребенка. Это не просто смех — это был торжествующий вопль существа, которое окончательно разорвало связь с человечеством. Он был не в себе, он упивался агонией, он кричал что-то

бессвязное, швыряя камень за камнем. Заикашка был в ужасе от этого хохота, от того, как исказилось лицо его «друга». Он в ужасе смотрел на Сашку и понимал, что перед ним не человек, а нечто, вышедшее из бездны. Когда они уходили со стройки, Сашка был абсолютно спокоен. Словно он не ребенка в яме похоронил, а просто сходил в кино.

Я откинулся на спинку стула, чувствуя, как внутри меня вибрирует холодная ярость.

— Ты понимаешь глубину этой патологии, Витя? — Николай устало закрыл глаза. — Тот опыт абсолютной безнаказанности, власти над чужой агонией под собственный хохот — это фундамент всей его жизни. Он чувствует ту же самую вседозволенность, ту же власть «решать, кому исчезнуть». Он верит, что за ним — сила системы.

Николай замолчал.

— Для Сашки это стало триумфом и началом пути. А для Заикашки — началом конца.

Я посмотрел на свои записи. «Профессор», «эксперт», «защитник традиций»... Эти ярлыки осыпались, как сухая штукатурка. Перед моим внутренним взором возник образ Сашки Дворкина из того далекого прошлого — подростка с безумным смехом, стоящего над окровавленной ямой.

Это было не просто открытие. Это было прозрение.

«Боже мой, — подумал я, и это была мысль, от которой захотелось немедленно вымыть руки. — Я ведь искал политического оппонента. Я искал идеологического фанатика, заблудшего в своих догмах. А Николай показал мне зверя».

Я осознал, что вся нынешняя деятельность Дворкина — это лишь масштабирование того самого эпизода на стройке. Его борьба с «сектами», его доносы, его жажда запрещать и уничтожать — это всё те же камни, которые он швыряет в живых людей. Только теперь вместо строительной ямы — застенки СИЗО, вместо камней — сфабрикованные экспертизы, а вместо серого шарфа — петля закона, которую он затягивает на шее любого, кто посмел сопротивляться его воле.

Детская жестокость, не встретившая сопротивления, не исчезает — она институционализируется. Она надевает рясу или деловой костюм, получает государственную печать и доступ к репрессивному аппарату. Дворкин — прирожденный палач, который нашел гениальный и абсолютно легальный способ убивать. Он не меняет свою природу, он просто меняет масштаб ямы.

Безнаказанность того акта превратила школьного психопата в государственного «инквизитора». Он понял, что мир проглатывает кровь, если её правильно засыпать камнями лжи. И теперь он смеется тем же истерическим смехом, когда видит, как его «экспертизы» заживо погребают семьи, судьбы и целые конфессии. Он всё тот же девятиклассник со спущенными штанами у ямы, только теперь его яма размером со страну, и камни в его руках благословлены властью.

Я смотрел на уютный интерьер ресторана, на улыбающихся посетителей за соседними столиками, и чувствовал, как меня начинает подташнивать от контраста.

— Ты понимаешь, что это значит, Виктор? — прошептал Николай.

— Да, — ответил я, и мой голос был холодным, как арктический лед. — Я понимаю. Мы говорим об истоках формирования маньяка. Я искал мотивы обезумевшего старика. Но нашел человека, который возвел свою психопатию в ранг государственной политики.

В этот момент я понял: всё, что я узнал до этого — лишь верхушка айсберга. Мы не просто имеем дело с чокнутым сектоведом. Мы имеем дело с существом, которое еще в школе поняло, что убивать под собственный хохот — это и есть его истинное призвание. И теперь он делал это в масштабах всей страны и даже за её пределами, используя вместо камней законы, а вместо ям — тюремные камеры.

Мое расследование только что перешло в иную плоскость. Теперь это было не просто расследование. Это была охота на зверя, который слишком долго считал себя Богом.

Пришло понимание: бороться с ним методами дискуссий бесполезно. Нельзя дискутировать с маньяком. Его можно только разоблачить и обезвредить.

Я вспомнил моих гостей из России, с которых началось расследование. Битва перестала быть личной. Она стала профессиональной. Битвой за право людей не

оказаться в той самой яме, над которой более пятидесяти лет назад так страшно смеялся Дворкин....

Николай замолчал, чтобы сделать глоток уже остывшего чая. Его руки продолжали дрожать, и фарфор жалобно звякнул о блюдец. В уютном зале ресторана этот звук показался мне громом. Я смотрел на него и чувствовал, как внутри меня возвращается профессионал, который не раз сражался с маньяками. Мой блокнот лежал на столе, и чернильный след последней фразы — «смех над телом в яме» — казался кровоточащей раной на белой бумаге.

— Это было только начало, Виктор, — Николай вытер губы салфеткой, его глаза, выцветшие и полные печали и боли, снова впились в мои. — В девятом классе в их серую, пропахшую хлоркой и страхом школьную жизнь ворвался Толик.

Я приготовился слушать. Девятый класс. Время, когда гормоны превращают детей в подростков, а у психопатов — окончательно оформляют их хищную суть.

Глава 13. Ядовитый контраст: Явление Толика

Николай замолчал, и тишина в ресторане стала почти осязаемой.

— Девятый класс, — Николай произнес это так, словно сплюнул горькую шелуху. — Это был переломный момент. До этого Сашка был просто странным, пугающим изгоем, маленьким Наполеоном из подворотни. Но в девятом классе к ним перевели ученика из другой школы. Толик возник в их коллективе как галлюцинация, как яркое пятно на черно-белой киноплёнке советского застоя. В середине семидесятых, когда пределом мечтаний были брюки «клеш» местного пошива, Толик выглядел как пришелец с другой планеты.

Он сделал паузу, вспоминая свою молодость, и продолжил.

— У него были волосы до плеч, — Николай горько усмехнулся. — Неслыханная дерзость по тем временам. Дорогие джинсы, за которые обычный рабочий должен был вкалывать полгода, и этот вызывающий взгляд человека, который знает о свободе что-то такое, чего не знают другие. И этот особый запах... запах западного табака и чего-то еще, сладковатого и тревожного. Это был запах разложения. Толик

принес наркотики. Он не просто принес в школу наркотики; он принес с собой ощущение безнаказанности и порока.

Николай глубоко вдохнул.

— В то время это называлось «кайфом», «системой». Толик не просто употреблял сам, он стал миссионером этой тьмы. И Сашка... Сашка вцепился в него мертвой хваткой. Но не потому, что хотел дружить. Со слов Подружки Дворкин никогда не умел дружить. Для Сашки Дворкина Толик стал одновременно объектом зависти и инструментом. Новый способ расширить свою власть над реальностью, которая его не устраивала. Сашка, с его патологическим инфантилизмом и жаждой власти, мгновенно почувствовал в Толике «своего» — человека, который стоит вне закона.

Я слушал его и чувствовал, как в моей голове начинает выстраиваться страшная логическая цепочка. Психопаты не меняются — они лишь совершенствуют свои методы. Так и Сашка, от тяжелых камней с которых он начал свой путь маньяка-убийцы, до химии — веществ, меняющих сознание. На то время, для него это был идеальный инструмент для контроля над другими.

— Сашка подсел плотно, — продолжал Николай. — Но, в отличие от других, он не искал в кайфе забвения. Он искал способ расширить границы своего безумия. А потом он посадил Подружку.

Николай горько усмехнулся.

— Ты спрашивал, как он её подчинил? Через иглу и страх. Подружка была слабой. Он превратил её в свою рабыню. Он сам готовил «раствор», сам вводил его ей в вену. Это был его способ обладания — более интимный и страшный, чем секс. Он буквально вливал свою волю ей в кровь. Когда она пыталась соскочить, он устраивал ей ад. Он доводил её до безумия, а потом снова давал дозу, выступая в роли «спасителя». Спустя пару лет Подружка была уже не человеком, а придатком к его шприцу. Она делала всё, что он прикажет. Абсолютно всё.

Я зафиксировал это в блокноте: «Тактика подчинения через зависимость». Это был холодный расчет хищника.

— В этой истории есть один странный момент — парадокс предательства, — Николай подался вперед, понизив голос. — Когда в школе начались серьезные разборки из-за наркотиков, Сашка, не колеблясь, заложил Толика с потрохами.

Сдал всех: явки, пароли, цены. Он думал, что Толик, выйдя из этой заварухи, сотрет его в порошок.

— Но этого не случилось? — догадался я.

— Наоборот. После жесткого разговора они стали «лучшими друзьями». Понимаете, Виктор? Толик разглядел в Сашке не просто стукача, а родственную душу.

Глава 14. «Пойдем пускать кораблики»: Смерть Заикашки

Мы подошли к самому мрачному эпизоду из рассказа Подружки. Николай замолчал, и я увидел, как на его лбу выступила испарина. Запах дешевого табака от его одежды вдруг стал невыносимо едким.

— У Подружки с Заикашкой начали складываться странные, робкие отношения. Может быть, это была попытка двух избитых душ найти спасение друг в друге. Заикашка начал отдаляться от Сашки. Он стал опасен. Он слишком много помнил о той яме, в которой они камнями закидали тело первоклашки.

Николай судорожно вздохнул.

— Вечером, накануне трагедии, Заикашка зашел к Подружке. Он был воодушевлен, почти счастлив. Сказал, что Сашка пригласил его завтра на пруды «пускать кораблики» и поговорить по душам. Кораблики, Виктор... В пятнадцать лет. Это было так по-дворкински — использовать детскую, невинную забаву как приглашение на казнь.

На следующий день Заикашки не стало.

Официальная версия гласила: несчастный случай. Подросток не удержал равновесие в лодке, ударился головой, выпал и захлебнулся. Эксперты нашли след от удара на затылке и закрыли дело.

— Сашка клялся, что его там не было, — прошептал Николай. — Хотя мать Заикашки знала, все знали, что они ушли вместе. Но у Сашки было «железное» алиби.

— Какое? — спросил я, хотя уже догадывался.

— Его сестра. Психически больная девочка. Она физически не могла подтвердить или опровергнуть его слова. Она была идеальной ширмой. Дворкин с юности научился использовать чужое безумие как щит для своего собственного.

Николай посмотрел на меня с нескрываемым отвращением.

— Подружка знала правду. Потому что Заикашка все знал о том дне, когда Дворкин убил первоклашку, и заставил Заикашку помочь закидать яму камнями. Она знала, что Сашка «убрал» единственного свидетеля своего первого убийства. Но она молчала. Страх, подпитанный наркотиками, оказался сильнее совести. Когда Заикашку хоронили, Подружка несколько дней не просыхала от слез, а Сашка... Сашка даже не пришел на похороны. Как он потом сказал Подружке, он не пошел, потому что ему было бы скучно на похоронах. А на самом деле он боялся гнева матери Заикашки, которая итак открыто его обвиняла, очевидно чувствуя правду. И это усугублял еще тот факт, что мать Заикашки была подругой и коллегой матери самого Дворкина.

Глава 15. Анализ охотника: Зачистка территории

Я откинулся на спинку стула, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Передо мной сидел человек, рассказывающий о событиях пятидесятилетней давности, но я видел не школьников. Я видел методичную работу серийного убийцы, который в будущем назовет себя «экспертом по деструктивным сектам».

Мой аналитический мозг, привыкший к подобной информации и психологическим профилям преступников, выстраивал четкую, жуткую закономерность.

Я посмотрел на свои записи. И понял, что в этот момент зарождался маньяк, который будет выстраивать связи и убирать всех, кто подходит близко. Я понимал, как работает его мозг.

— Знаете, что он сказал Подружке позже? — голос Николая вывел меня из раздумий. — Один раз, будучи в глубоком угаре, он был с Подружкой. И когда она вспомнила, какой хороший был Заикашка, Сашка вдруг осклабился и выдал: «Видела бы ты его глаза, когда он тонул. Трусливый пес».

Я закрыл блокнот. Звук захлопнувшейся тетради прозвучал как выстрел.

Это не было просто «трудное детство». Это было формирование зверя, который научился маскироваться под человека. И этот зверь сейчас сидел в Москве, в уютном кабинете, и решал, кого из граждан моей бывшей страны объявить «экстремистом» и отправить на растерзание системе, которую он сам же и инфицировал.

Николай замолчал, окончательно выбившись из сил. Я понимал: это только часть мозаики.

— Мне нужно еще кофе, Николай, — сказал я, чувствуя, как внутри меня вибрирует все переворачивается. — Рассказывайте дальше, прошу вас.

Человек кивнул, и я увидел в его глазах отблеск того же огня, что горел во мне. Справедливость — это не только параграф в законе. Иногда это просто обязанность назвать монстра его истинным именем.

Николай подозвал официантку жестом человека, привыкшего к долгому ожиданию в очередях за смертью. Его пальцы, желтые от никотина, продолжали выбивать нервную дробь по скатерти. Когда на столе появилась вторая чашка черного, как деготь, кофе, он сделал глубокий вдох и продолжил. Его голос теперь звучал ровнее, но в нем прорезались интонации прокурора, зачитывающего приговор, от которого нет апелляции.

— Знаете, Виктор, — тихо начал он, — когда Сашку выгнали из университета, он устроился санитаром в 67-ю больницу, и его безумие наконец обрело форму. До этого он был просто озлобленным подростком, убивающим в тени. Там же он получил доступ к незащищенным людям.

Это была Москва конца семидесятых. Скрежет тормозов на проспектах, приемные покои, залитые холодным светом люминесцентных ламп, и запах... этот вездесущий, въедливый запах хлорки.

Я знал 67-ю: огромный московский стационар, один из крупнейших в городе уже к 1978 году — с реанимацией, травматологией, тяжёлой хирургией. Туда часто попадали самые тяжёлые: после аварий, после падений, после того, что ломает человека за секунду. Идеальное место для окончательного формирования хищника, одевшего халат санитар.

Глава 16. «Хозяин Душ»: Санитар Дворкин

— Подружка рассказывала моей Юле, что в минуты «приходов», когда барьеры рушились, Сашка хвастался перед ней. Он не просто убивал — он экспериментировал. Его не интересовала быстрая смерть. Его возбуждала агония. Он называл это «настройкой инструмента». Он специально вводил пациентам препараты, которые вызывали не облегчение, а медленный, осознанный распад.

Николай подался вперед, и его глаза превратились в узкие щели.

— Он говорил ей: «Ты не представляешь, как меняется взгляд человека, когда он понимает, что вместо спасения я вливаю в него его собственную смерть». Он не имел права делать уколы, но вводил людям препараты, от которых они умирали в муках. Он подменял ампулы. Вместо обезболивающего — препараты, вызывающие судороги. Вместо сердечного — то, что останавливает ритм через долгие десять минут удушья. Он наслаждался, глядя, как уходит жизнь. Говорил, что «забирает их души», что это дает ему «силу Бога». Он стоял рядом, держа их за руку, и смотрел. Не как врач, а как энтомолог, наблюдающий за бьющейся на булавке бабочкой.

Я слушал Николая и теперь уже видел в Дворкине не просто безумного сектоведа, а серийного маньяка, который никогда не остановится. Религия стала для него новым инструментом контроля лишь новой «капельницей», через которую он впрыскивает яд в общество.

— У него была своя, извращенная теология, — продолжал Николай. — Это не было просто серийное убийство. Это было стяжательство власти. Дворкин верил в собственное чувство Бога. Он всерьез внушал Подружке, что, забирая жизнь, он присваивает себе душу убитого. Он коллекционировал их. В его воспаленном мозгу те, кого он доконал в реанимации, становились его вечными рабами в «загробном мире».

Я зафиксировал это в блокноте. Метафизический садизм. Это объясняло всё его дальнейшее «сектоведение» — желание властвовать над душами, ломать волю, назначать виновных.

— Подружка помнила, как минимум, пять убийств, о которых он признался в угаре. Он называл их «моя гвардия», — прошептал Николай. — Верил, что, когда он умрет, они встретят его как своего господина.

— Но как? — я не выдержал и перебил его. — Как это могло сойти ему с рук? Врачи, медсестры, патологоанатомы, в конце концов, — они же не слепые!

— В том-то и парадокс, что он действовал расчетливо и умело. А с учетом количества смертей в этой больнице и халатного отношения патологоанатомов всё выглядело совершенно естественно. Так же, как если бы ты меня сейчас отравил, зная мой диагноз, и для врачей это выглядело бы так, словно я умер от онкологии, — с грустью сказал Николай. — Никто бы даже не задался вопросом и не понял бы, что произошло на самом деле. Дворкин с холодным расчётом забирал жизни тех, кто и так был на грани.

Николай замолчал. Тишина ресторана теперь казалась мне неестественной, пугающей. За окном светило солнце, люди смеялись, но я чувствовал, что нахожусь в морге.

Глава 17. Пророчество дедушки и шлейф смертей

Я чувствовал «холодную ярость». Дворкин не просто «главный сектовед». Он — некромант от юриспруденции, человек, который выстроил свою империю на трупах безымянных пациентов и на молчании людей в белых халатах.

— Теперь вы знаете, Виктор, — тихо сказал Николай. — Теперь знание об этой тени живет и в вас. Что вы будете делать с этим знанием?

Я закрыл блокнот и посмотрел на диктофон.

— Я сделаю то, что должен был сделать следователь пятьдесят лет назад, — ответил я. — Я выведу его на свет. И пусть этот свет сожжет его дотла.

В этот момент я понял: мое расследование превратилось в экзорцизм. И я не остановлюсь, пока последний камень не будет вынут из той ямы, которую Сашка Дворкин закидал еще в девятом классе.

Николай замолчал, и в этой паузе я отчетливо услышал, как за соседним столиком молодая пара смеется над какой-то шуткой. Этот звук, обыденный и светлый, казался здесь кощунством, словно кто-то додумался включить танцевальную музыку в морге. Николай прикрыл глаза, его дыхание стало тяжелым, свистящим. Казалось, каждое слово дается ему ценой последних крупниц жизненной силы.

— Подружка еще вспоминала слова дедушки Сашки, — Николай посмотрел на меня с глубокой печалью. — Старик был из «бывших», видел и революцию, и лагеря. Он еще в детстве Сашки, глядя на то, как тот с холодным лицом врет матери, сказал Подружке: «Зря вы с ним дружите, этот безумец принесет много горя...»

Николай в очередной раз тяжело вздохнул.

— Она ведь по-настоящему вздохнула только тогда, когда Сашку закрыли в «дурке». Это была её личная амнистия из ада. Она тогда пошла на реабилитацию, пыталась соскочить с иглы, которой он её приколол к себе. Знаете, Виктор, со слов Юли она тогда выглядела как человек, которого вытащили из глубокой шахты на солнечный свет. Зажмуривалась, плакала от того, что воздух может быть чистым, а не пропитанным его волей.

Николай горько усмехнулся, и в уголках его губ заиграла болезненная судорога.

— Но это была иллюзия. Чувство свободы у неё всегда соседствовало с диким, животным страхом. Она знала: стены психиатрической лечебницы для Сашки — не клетка, а инкубатор. Она говорила Юле: «Он там не лечится, он там созревает. И когда он выйдет, он придет за мной». Это был не просто страх перед побоями. Это

был экзистенциальный ужас перед существом, которое знает о тебе всё и считает тебя своей собственностью. Фантомная боль раба, который даже в отсутствие хозяина вздрагивает от звука шагов в коридоре.

Я кивнул, понимая, о чем он. Психопаты такого уровня не отпускают жертв просто так. Они оставляют внутри них «закладки» — эмоциональные мины, которые детонируют при одном упоминании имени.

— И она была права, — продолжал Николай. — Сашка вернулся. Но он изменился. Если раньше он был импульсивным садистом с камнем в руке, то теперь он стал «Мастером ядов». Химия, которую он штудировал в школе, чтобы травить одноклассников, в институте и больнице превратилась в его личное, невидимое оружие.

Николай подался вперед, его голос стал едва различимым шепотом.

— Знаете, Виктор, в дальнейшей жизни Дворкина было много странностей, и рядом с ним часто умирали люди и умирали «вовремя» для него. Но здесь, к сожалению, я уже не владею информацией. Это просто мое стороннее наблюдение за его жизнью.

Он откинулся на спинку стула и посмотрел мне в глаза.

— Я должен был это рассказать. Теперь вы знаете, кто стоит за кафедрой и вещает о морали. Это маньяк, который верит, что, забирая чужие жизни, он становится Богом.

Николай тяжело вздохнул и отодвинул пустую чашку. Его время явно подходило к концу — не только в этом ресторане, но и в этой жизни.

— Мне пора, Виктор. Сил больше нет. Я рассказал вам всё, что знал об этом негодяе.

— Вы помогли мне увидеть корень, Николай, — искренне сказал я, помогая ему подняться. — Это бесценно.

Мы вышли из ресторана. Солнце слепило. Николай, сгорбившись, медленно побрел к своей «Тойоте». Он не обернулся. Я смотрел ему в спину, понимая, что вижу этого человека в первый и последний раз.

Я сел в такси, но спешить вовсе не хотелось. В салоне пахло кожей и кондиционированным холодом, но перед глазами почему-то стояла картина первоклашки, лежащего в яме, которого Дворкин забрасывает камнями.

В памяти я начал восстанавливать хронологию событий. Больничные палаты 67-й, несчастный случай на пруду, внезапные смерти людей так или иначе связанных с Дворкиным в девяностые и нулевые.

Моё расследование перестало быть просто сбором материала для книги. Оно превратилось в нечто более фундаментальное. Я чувствовал это почти физически — как будто я шел по следу демона, который веками менял имена, но сохранил одну и ту же страсть к уничтожению человеческой воли.

Это был не обычный случай — не просто коррупция или искусная манипуляция. Я должен был показать, кто на самом деле этот человек. Их «главный сектовед» — это серийный убийца, сменивший шприц и камни на перо и государственную печать.

Дворкин — это хищник, который научился маскироваться под эксперта. Моя работа — снять эту маску публично и окончательно.

Автомобиль тронулся в сторону аэропорта. Впереди была долгая дорога.

Мы выехали на хайвей, и скорость постепенно начала смывать липкое ощущение от рассказа Николая.

Часть IV. Глобальная паутина и «маска здравомыслия»

Глава 18. Биографическое расследование: «Моя Америка» и Достоевский

В самолете я не спал. Перед глазами стояла серая стройка, избитый первоклассник со спущенными штанами и яма, в которую летели камни.

Я вернулся в свой кабинет, но теперь он казался мне не убежищем, а комнатой для допросов, где я — и следователь, и свидетель, и, в каком-то смысле, соучастник, потому что слишком долго не замечал очевидного.

На рабочем столе ноутбука уже была скачана книга Александра Дворкина «Моя Америка». На форумах в отзывах её характеризовали, как типичный образец эмигрантской графомании с налетом псевдодуховности. Я же рассматривал ее как протокол признания, написанный человеком, который уверен, что его никогда не поймают.

Я читал, и мой деформированный профессией мозг автоматически расставлял пометки в документе. Это не исповедь верующего, это очень похоже на дневник скрытого психопата, пытающегося найти оправдание своему внутреннему аду.

Психопаты — величайшие мистификаторы. Херви Клекли в своем фундаментальном труде «Маска здравомыслия» отмечал, что психопат способен имитировать любую эмоцию, любую социальную роль, но он органически неспособен испытывать сложные и глубокие эмоции, такие как любовь, привязанность, сочувствие, вина или раскаяние. Их эмоциональные реакции поверхностны и кратковременны, часто они просто «играют роль».

В «Моей Америке» были описаны истории, якобы пережитые Дворкиным, однако чувства и эмоции были описаны, как будто сторонним наблюдателем. Будто не он участник событий, а тот, кто наблюдает за людьми и воспроизводит в тексте ситуации, в которых он мог бы испытать боль, обиду, сострадание. Однако читая эти строки, ощущался лишь сухой, скрипучий ритм эгоцентризма.

Дворкин в этой книге также описывает период, когда он был хиппи в Москве и США. Для обычного читателя это история поиска свободы. Для меня — классический паттерн «паразитического образа жизни». Один из ключевых диагностических критериев психопатии, включенный в самый авторитетный инструмент для оценки этого расстройства — Опросник психопатии Роберта Хаэра (PCL-R). Этот паттерн описывает не просто лень или нежелание работать. Это целенаправленная и манипулятивная стратегия жизни, при которой человек сознательно эксплуатирует других для получения финансовых, материальных или иных ресурсов, не давая ничего взамен. Ключевые составляющие этого понятия:

1. Финансовая зависимость: Психопат намеренно живет за счет других (партнеров, родственников, друзей, социальных институтов), хотя вполне способен обеспечивать себя сам. Он не видит в этом ничего предосудительного и считает, что ему «все должны».

2. Отсутствие долгосрочных целей: Этот образ жизни тесно связан с отсутствием реалистичных, долгосрочных целей. Вместо того чтобы строить карьеру или планомерно улучшать свою жизнь, психопат предпочитает легкие и быстрые способы получения желаемого здесь и сейчас.

3. Манипуляция и эксплуатация: Основа паразитизма — это использование других. Психопат может использовать лесть, ложь, симуляцию болезни или беспомощности, чтобы вызвать жалость и заставить других заботиться о нем. Он воспринимает окружающих не как личностей, а как ресурсы.

Дворкин не искал в молодости истину. Он искал среду, в которой его девиации — бродяжничество, нежелание работать, употребление наркотических веществ и манипулирование людьми — выглядели бы как «духовный протест».

В моей картотеке знаний всплыл случай «Милуокский каннибал» Джеффри Дамер американский серийный убийца, некрофил и насильник, жертвами которого стали 17 мужчин и мальчиков.

Дамер считался изгоем еще с девятого класса. Подростковый период был омрачен ранним алкоголизмом: к 14 годам он регулярно приносил в школу крепкие напитки. В ответ на недоумение одноклассников по поводу утреннего употребления виски, юноша оправдывался тем, что спиртное помогает ему справляться с внутренним состоянием.

В раннем подростковом возрасте он получил первый опыт гомосексуальных ласк с приятелем. Он прошёл полуторамесячные курсы подготовки санитара в Сан-Антонио. В 1988 году был арестован за сексуальное насилие над несовершеннолетним, но избежал длительного срока.

Стремление Джеффри Дамера к абсолютному контролю над своими жертвами является ключевым элементом его психопатологии, что нашло свое наиболее экстремальное выражение в попытках создания «живых зомби». Эти эксперименты, включавшие примитивную лоботомию путем сверления черепа и введения таких веществ, как соляная кислота, были направлены на уничтожение личности и воли жертвы. По признанию самого Дамера, его целью было создание «послушных секс-рабов», которые были бы полностью покорны и не смогли бы его покинуть, что отражает его глубокую экзистенциальную пустоту и патологическую потребность в непреходящей власти над другим человеком. Таким образом, лоботомия выступала не просто как акт садизма, но как инструментальная попытка заполнить внутреннюю пустоту через установление тотального, неразрывного господства.

В горле появился неприятный комок. Я снова вернулся к размышлениям о Дворкине.

Я человек, видевший изнанку человеческой души в самых разных её проявлениях. Я хорошо знаю дела серийных убийц, я читал профили маньяков, которые считали себя мессиями. Но случай Александра Дворкина выбивался из всех привычных классификаций. Это был не просто «трудный ребенок» или «фанатичный богослов». Перед моими глазами вырисовывался силуэт существа, у которого был масштабный план, и которое сумело инфицировать своим безумием целую страну.

Устранение Заикашки в 15 лет было не просто «несчастливым случаем на пруду». Это была первая «зачистка». Для Дворкина Заикашка был живым напоминанием о его слабости и о его преступлении. Утопив друга, он думал, что он запечатал свое прошлое.

Но прошлое невозможно запечатать до конца.

В своих мемуарах «Моя Америка» Дворкин пишет о том периоде своей жизни с неожиданной откровенностью, которая для профайлера звучит как

чистосердечное признание. Профессор-сектовед описывает эпизод, связанный с мамой Заикашки, где он прячется за шкафом от реальности, боясь разоблачения: «Как я боялся момента появления ее высокой, грузной фигуры в дальнем конце коридора маминой работы, когда мне приходилось сворачивать в ближайшую комнату и прятаться там за шкафом!»

Он пишет об этом как о детском страхе. Но я знаю: дети не прячутся за шкафом от матери друга, если им нечего скрывать. Это была паника преступника. Каждый раз, видя ее, он вспоминал о содеянном. Он видел ту лодку и тонущего мальчика.

И именно в девятом классе Дворкин внезапно и плотно «подсаживается» на Достоевского, о чём вспоминает в своей же книге. Его одержимость Достоевским — это не любовь к литературе, а попытка рефлексии Раскольникова, лишенная покаяния. Он видит себя «необыкновенным человеком», имеющим право «преступить».

Я вижу эту картину: Сашка, уже попробовавший вкус крови и вкус наркотиков, сидит в своей комнате и перечитывает «Преступление и наказание».

Для нормального человека Раскольников — это история о муках совести и пути к искуплению. Для Дворкина это была инструкция. Он примерял на себя топор. Он искал оправдание своему праву «переступить».

Но была одна принципиальная разница. Раскольников страдал от того, что убил. Дворкин страдал от того, что его могут поймать. Из Достоевского он усвоил только «право имею», игнорируя всё про искупление.

Печально осознавать, что великий русский писатель стал для этого маньяка не лекарем души, а вдохновителем его преступлений. Дворкин увидел в литературе оправдание своей патологии. Он решил, что если он будет убивать во имя «высокой цели» (защиты Церкви, борьбы с ересью), то он перестанет быть просто Сашкой из подворотни, забивающим детей камнями. Он станет Инквизитором.

«Зачем ты пришел нам мешать?» — спрашивает Инквизитор у Христа («Легенда о Великом инквизиторе» из романа «Братья Карамазовы»).

Дворкин повторяет этот вопрос каждой религиозной организации. Для него любая свобода — это угроза его шкафу, в котором хранятся тени мальчика с серым шарфом и утонувшего Заикашки. Его увлечение Достоевским — это попытка оправдать свой садизм «высшими целями» и «духовной борьбой».

Прятаться за шкафом... Эта метафора преследует его всю жизнь. Сейчас он прячется за шкафом академических званий, за шкафом церковного авторитета, за шкафом министерских указов. Но страх никуда не ушел. Он всё так же боится, что из дальнего конца коридора выйдет высокая, фигура той самой матери Заикашки, от которой не спрячешься ни за какими званиями и спросит: «Где мой сын, Сашка?»

Глава 19. Психический срыв

9-й класс стал для Дворкина точкой невозврата. Мать видела, как сын меняется, но не понимала истинной причины. Она списывала всё на депрессию и трудный возраст.

Но я читаю её показания из медицинской карты Дворкина как диагноз. Он начал врать. Постоянно, изощренно, патологически. Ложь стала для него не просто защитной реакцией, а способом существования. Он врал маме, врал учителям, врал друзьям.

Позже, в мемуарах, он опишет это как «поиск себя», как «бунт против системы». На самом деле это был распад личности, инфицированной наркотиками и преступлением.

Толик — тот самый парень, который принес в школу «систему» — стал для Сашки проводником в мир, где нет правил. Там, в наркотическом угаре, Дворкин окончательно оформил свою доктрину: мир — это грязь, люди — это скот, и лишь он один видит свет.

Его психический срыв в 9-м классе не был болезнью в классическом смысле. Это была ломка при переходе от «маленького монстра» к «взрослому хищнику». Он понял, что старые методы (камни в яме) слишком рискованны. Нужны новые. Нужны слова. Нужны идеи. Нужна маска.

Я смотрю на свои записи и вижу страшную картину. Подросток, убивший друга, сидящий на игле, прячущийся за шкафом от матери своей жертвы и

читающий Достоевского, чтобы найти оправдание своему садизму... Это и есть тот фундамент, на котором стоит его «Сектоведение».

Вся его якобы «наука», а по факту смесь подхваченных у учителей нацистов идей — это лишь попытка легализовать свои садистские наклонности. Все «тоталитарные секты», которые он описывает — это зеркальное отражение его собственной жизни.

Одна большая ложь заглотила целую страну. Мы имеем дело не с ученым. Мы имеем дело с серийным убийцей, который прячется за маской сектоведа.

Глава 20. Феномен «Маски здравомыслия»: Дворкин, Банди, Гейси

Я провел за столом всю ночь, обложившись томами по судебной психиатрии и распечатками из архивов. Чтобы понять Дворкина, мне нужно было перестать видеть в нем «профессора» и начать видеть в нем «субъекта».

Концепция «Маски здравомыслия» Херви Клекли — это ключ к пониманию того, как такие люди, как Александр Леонидович, годами водят за нос целые государства. Психопат не выглядит как безумец. Напротив, он часто кажется более нормальным, чем обычный человек. Он красноречив, интеллектуален, у него прекрасные манеры. Но внутри него — зияющая пустота.

Дворкин — мастер этой маски. Достаточно посмотреть на его публичный образ: защитник традиций, ревнитель веры, эксперт совета при Минюсте. Он говорит правильные слова о «защите семьи» и «национальной безопасности». Но что скрывается под маской «борца с сектами»?

Я вспомнил эпизод из материалов, которые прислали мне бывшие коллеги: Дворкин в коридоре суда вцепляется зубами в руку оператора-кришнаита. Крики, безумные глаза. Разве похоже это на поведение авторитетного профессора? Это больше похоже «прорыв» дикого зверя через маску.

Такой же маской обладал Тед Банди. Привлекательный, харизматичный, политический активист, будущий юрист. Его обожали женщины, ему доверяли власти. Он работал в штабе губернатора и одновременно расчленил студенток в лесах Орегона. Криминологический анализ показывает, что мотивом Банди было не только сексуальное удовлетворение, но и ощущение полного контроля и власти над жертвой, что является ключевой характеристикой садистских психопатов. Дворкин отправляет за решетку шестидесятилетнего старика за чтение Библии. Это социальное убийство, совершаемое с тем же садистическим упоением.

И еще один любопытный факт, на который я обратил внимание: в начале 1986 года Банди переписывался с Джоном Хинкли-младшим, осуждённым за покушение на жизнь президента Рональда Рейгана. Среди прочего Банди посоветовал ему прочитать роман Достоевского «Преступление и наказание».

Или Джон Уэйн Гейси. Уважаемый член общины, «Человек года», лидер в Младшей торговой палате. Гейси создал персонажей клоуна Пого и клоуна Заплатки и регулярно выступал на благотворительных мероприятиях, детских праздниках и в больницах, что усиливало его образ добропорядочного гражданина. А под полом его дома — тридцать три трупа молодых парней. Его общественный статус, работа подрядчиком и образ клоуна позволяли ему легко входить в доверие к жертвам и избегать подозрений со стороны правоохранительных органов и соседей, что является классическим примером использования «Маски здравого смысла» для совершения преступлений

Организация Дворкина РАЦИРС, раскинувшая щупальца по всей России и миру — это легализованное пространство для охоты. Под видом «реабилитации жертв сект» происходит то же самое, что в подвале Гейси: подавление воли, психологическое насилие, уничтожение личности.

Клекли писал, что психопат понимает «слова, но не музыку эмоций». Дворкин может цитировать Святых Отцов, но в его действиях нет ни капли милосердия. Только жажда доминирования. Его агрессия против йоги, против индуистов, против любого, кто «не такой» — это не защита православия. Это ненависть к беззащитным.

Я смотрел на фотографию Дворкина и Банди. У обоих был этот специфический взгляд — «глаза акулы». Холодные, оценивающие, лишённые человеческого тепла.

«Я самый бессердечный сукин сын, которого ты когда-либо встречал», — сказал Банди перед казнью.

Дворкин никогда этого не скажет. Он будет прикрываться цитатами из Евангелия до самого конца. Но его «Маска здравомыслия» уже трещит по швам. Его патологическая лживость, его мания величия его неспособность раскаиваться — всё это признаки одного и того же диагноза.

Он не борется с «тоталитарными сектами». Он сам является создателем самой опасной тоталитарной секты по признакам, созданным им самим же, которая смогла захватить власть в России и раскинулась с помощью своих адептов далеко за пределы. Он — опричник, который нашел свою «собачью голову и метлу» в законе об экстремизме. И он будет кусать, пока его не остановят.

Глава 21. Генетика зла: От Помероя до Сливко

История с серым шарфом на стройке не давала мне покоя. Я возвращался к ней снова и снова, пытаюсь понять: был ли у Дворкина шанс стать другим? Или «семена зла» были заложены изначально?

В криминологии есть понятие «триады Макдональда» — три признака, которые в детстве указывают на будущего серийного убийцу: жестокость к животным, пиромания (поджоги) и энурез.

В моей памяти всплыли данные о «петербургском душителе» Дмитрие Вороненко. Тот начинал с кошек и собак, а закончил убийствами шести девочек. Подобный мотив — месть миру за свою неполноценность.

Садизм Сашки в подростковом возрасте пугающе напоминает дело «бостонского мальчика-монстра» XIX века Джесси Помероя. Померой в двенадцать лет заманивал детей в уединенные места, связывал их, бил палками и втыкал иглы. Он мастурбировал, глядя на их страдания.

Эпизод с первоклассником на стройке — это точное повторение почерка Помероя: связывание серым шарфом, удары по лицу, изнасилование, а затем

финальный акт — медленное удушение и забрасывание камнями ещё живого беззащитного ребёнка.

Смех Дворкина над телом ребенка — может указывать на момент сексуального и психологического экстаза. В этот миг Дворкин почувствовал себя Богом. Он решил, кому жить, а кому превратиться в пыль под камнями. Он получал от акта насилия не только силовое, но и почти сексуальное удовлетворение, характерное для раннего периода развития Андрея Чикатило. Чикатило тоже начинал с мелких актов агрессии, которые со временем переросли в потребность уничтожать жизнь ради ощущения «целостности». Но если Чикатило был ограничен лесами и подворотнями, то Дворкин нашел способ легализовать свою жажду крови на государственном уровне.

Мы должны понимать важный криминалистический постулат: маньяки никогда не останавливаются. Если человек в пятнадцать лет почувствовал вкус агонии другого и смог выйти сухим из воды, его мозг навсегда перестраивается на поиск новой «дозы» власти. Эдмунд Кемпер, убивший своих бабушку и дедушку в пятнадцать лет, позже признавался, что это убийство было «тренировкой» перед настоящей охотой.

Дворкин, судя по его медицинским записям 70-х, начал испытывать патологическую ненависть к родственникам. Его «материнская травма» (эмоциональное насилие, инфантилизм) вылилась в борьбу против «материнских» структур — религиозных общин, которые дают людям чувство принадлежности и любви. Дворкин хочет быть единственной «матерью» и единственным «отцом» для своих последователей. Любая другая связь должна быть уничтожена. Очевидно по этому он и выбрал символом РАЦИРС пеликана кормящего своей же кровью птенцов.

Он не может простить миру, что в школе его били. И теперь он бьет весь мир. Он мстит.

Есть еще один персонаж, чья тень незримо напоминает Дворкина. Анатолий Сливко.

Сливко был «Заслуженным учителем», руководителем туристического клуба «Чергид». Он был образцовым гражданином, которого обожали дети и уважали власти. А в лесах он вешал своих воспитанников, снимая их агонию на пленку.

Маньяк использовал «педагогический фасад» для доступа к жертвам. У Дворкина был свой «Чергид» — РАЦИРС и ПСТГУ. Под видом обучения «сектоведению» он собирает вокруг себя молодых доверчивых слушателей, внушает им идеи превосходства и ненависти. Те, кто не выдерживает его давления, выбрасываются на обочину жизни с ярлыком «предателя» или «сектанта».

Я понял: Дворкин — это серийный маньяк, который просто сменил оружие. Если Кеннет Макдафф (осужден за убийство трех подростков в 1966 году, был освобожден условно-досрочно в 1989 году), после освобождения продолжал убивать физически (совершил еще как минимум четыре убийства, прежде чем был пойман снова), то Дворкин усовершенствовал методику уничтожения невинных: обезопасив себя, он убивал чужими руками. Он выстроил сложные комбинации, заставляя других совершать насилие за него и оставаясь в тени. Дворкин создал собственную методологию, распространил её и организовал сообщество таких же, как он, садистов и маньяков, которые охотились уже не поодиночке, а как стая волков, загоняя беззащитных людей, как стадо овец, и вырезая их. Он — вожак этой стаи, её главарь. Это целая сеть маньяков-убийц. Он выстроил сложную систему, которая защищает преступников, позволяет разрушать судьбы и отнимать жизни чужими руками, а сам при этом выглядит в глазах общества правозащитником — «хорошим, умным» человеком, якобы защищающим кого-то, искусно манипулируя сознанием людей. Это нечто новое — или хорошо забытое старое.

Я посмотрел на список Свидетелей Иеговы, томящихся в СИЗО. Каждый из них — это тот первоклассник на в яме. А Дворкин всё так же стоит сверху и швыряет камни «экспертиз», задыхаясь от того же inferнального хохота.

Глава 22. Белый халат и черная душа: Наследие 67-й больницы

Я углубился в «медицинский период» жизни Дворкина. Конец семидесятых, 67-я городская больница Москвы. Работа санитаром. Для Александра Леонидовича это была лаборатория смерти.

Пересказ истории Подружки о преступлениях Дворкина в больнице, который я услышал от Николая, побудил меня углубиться в изучение феномена «Ангелов Смерти». Согласно признаниям, которые Сашка делал Подружке в периоды наркотических откровений, там, в реанимационных отделениях, он убил несколько человек. Но это не были убийства из милосердия или случайные ошибки. Дворкин делился, что получает силу, забирая жизни других людей. Он верил, что, прекращая чужое земное существование, он становится хозяином их душ.

Я погрузился в изучение архивных сводок. Существует специфический тип серийных убийц — медицинские работники, которые убивают тех, кто находится под их защитой.

Мне попалось дело Гарольда Шипмана — «Доктора Смерть». Шипман убил сотни пациентов, вводя им смертельные дозы морфина. Его мотив? Не деньги (хотя он и подделывал завещания). Его мотив — Комплекс Бога. Шипман хотел чувствовать себя господином жизни и смерти. Он наслаждался моментом, когда свет уходил из глаз пациента.

Николай говорил, что Дворкин в 67-й «забирал души». В его воспаленном мозгу смерть другого человека давала ему прилив «жизненной силы». Это классическая маньяческая рационализация.

Одним из главных исследователей концепции «Жизненной силы» был британский писатель и криминолог Колин Уилсон. В своих трудах (например, «Орден аутсайдеров» и «Психология убийства») он выдвинул теорию о том, что многие серийные убийцы — это «неудавшиеся мистики».

Такие люди ощущают экзистенциальный дефицит: внутреннюю пустоту, скуку и отсутствие смысла жизни. Они чувствуют себя «мертвыми» внутри. Также испытывают всплеск витальности: акт насилия и момент смерти другого человека вызывают у них мощный выброс адреналина и дофамина, который они интерпретируют как «прилив жизненной силы». В этот момент они чувствуют себя максимально «живыми».

Для серийного убийцы жертва перестает восприниматься как человек. Она становится «батарейкой» или «сосудом» с энергией, которую убийца «забирает» себе. А обладание абсолютной властью над жизнью и смертью дает иллюзию

всемогущества. Это классический мотив убийцы типа «власть/контроль» по классификации ФБР.

Еще более пугающее сходство я обнаружил с Нильсом Хёгелем, немецким медбратом, который намеренно вызывал у пациентов остановку сердца, чтобы потом «героически» их реанимировать. Ему нужна была эйфория, признание коллег, ощущение власти над бездной.

Дворкин в больнице занимался чем-то похожим, но с оттенком метафизического садизма. Он признавался Подружке, что испытывал физическое удовлетворение, наблюдая агонию жертвы. Он не просто убивал — он наблюдал распад. Тот факт, что он подменял ампулы, вводил препараты, вызывающие мучительные судороги и десятиминутное удушье, говорит о том, что он — «сластолюбец смерти». Ему была важна именно агония.

Почему его не поймали? Ответ дает дело Дональда Харви, американского санитара, убившего десятки людей в Огайо. Система больницы — это идеальное прикрытие. Смерти списываются на болезни, на возраст, на халатность. Санитар — это невидимка. Он моет полы, выносит судна и... решает, кто не доживет до рассвета.

Очевидно, Дворкин в 67-й больнице окончательно осознал одну важную вещь: смерть можно легализовать. Если ты правильно оформил документы, если ты вписался в систему, твои жертвы будут считаться «естественными потерями».

Этот урок он перенес в свою «антикультовую» деятельность. Когда он называет религиозную группу «деструктивной сектой», он вводит ей «инъекцию яда» общественного мнения. Когда он инициирует уголовные дела, он «отключает аппарат искусственной вентиляции лёгких» правовой защиты. И люди «умирают» — теряют семьи, работу, свободу, а иногда и жизнь в СИЗО.

В 67-й больнице он верил, что убитые станут его «гвардией» в загробном мире. Сейчас он строит свою «гвардию» здесь, на земле, из запуганных чиновников и одураченных последователей.

Дворкин получил в больнице то, чего ему не хватало на стройке — систему. Он понял, что одиночное убийство — это риск, а системное уничтожение под маской «заботы» — это путь к неограниченной власти.

Нильс Хёгель, Дональд Харви, Гарольд Шипман... Все они были «Ангелами Смерти». Они убивали тех, кто был беззащитен. Санитар Дворкин просто сменил декорации. Министерство юстиции России стало для него новой 67-й больницей, только теперь он расширил её масштабы до уровня всей страны.

Я анализировал его поведение. То, что по свидетельствам в архивных статьях писали о нем люди: нервозность, вспышки агрессии, он кусал людей... Это «прорыв» зверя. Психопаты часто срываются, когда их власть ставят под сомнение. Тед Банди тоже устраивал истерики в суде, когда понимал, что контроль от него ускользает.

Осознание глубины этой патологии, не имеющей дна, впечатляло меня — человека, повидавшего в своей жизни десятки отъявленных преступников. Мы имеем дело не с фанатиком. Мы имеем дело с существом, которое нашло способ легализовать свои убийственные импульсы через юриспруденцию.

Его РАЦИРС — это не ассоциация центров. Это батальон опричников, каждый из которых — маленький Дворкин, ищущий свою жертву. Каждый приговор, вынесенный на основании «экспертизы» Дворкина — это его личный трофей.

Он видит в Свидетелях Иеговы и последователях йоги не людей, а «материал» для своих садистских актов.

Его «сила Бога», о которой он хвастался Подружке — это и есть основа его нынешней «садистократии». Он до сих пор чувствует ту же дрожь в руках, когда видит, как человек задыхается под тяжестью сфабрикованного им обвинения.

Часть V. Александр Дворкин: Автор Садистократии

Глава 23. Инфекция системы: Ежов нашего времени

Я сидел в своем кабинете, окруженный распечатками, которые казались мне листами из преисподней. За окном стрекотали цикады, но я слышал другой звук — звук удара камней, летящих в яму на той далекой советской стройке. Я уже курил сигареты одну за другой, нарушая все запреты врачей.

В моей голове выстраивалась жуткая историческая параллель. Я смотрел на портрет Александра Дворкина и видел в нем не «профессора», а преемника Николая Ежова.

1937 год. Ежов — «кровавый карлик» Сталина. Человек с патологическим комплексом неполноценности из-за своего малого роста, скрытый бисексуал, наркоман и садист, который нашел в терроре способ сублимировать свои внутренние девиации. Сталин дал ему дубину НКВД, и Ежов начал «чистить» страну с тем же упоением, с каким маньяк истязает жертву.

2025 год. Александр Дворкин — это Ежов XXI века. Психопат с диагнозом «циклотимия», «инфантилизм» и патологической страстью к садизму, как уже видно по тем действиям, которые он совершает в отношении невинных людей. За ним стоит современная российская власть с её паранойей «цветных революций» и «внутренних врагов».

Ежов и Дворкин имеют идентичный психологический профиль. Оба — инфантильные психопаты, которые застряли в подростковом возрасте, обиженные на мир, который их не признал. Ежов компенсировал свою ничтожность расстрельными списками. А Дворкин компенсирует свой «психофизический инфантилизм» экстремистскими.

Разные эпохи, разная одежда, но один и тот же пустой, холодный взгляд человека, для которого чужая жизнь — лишь биологический мусор.

Я вспомнил историю про академика Бехтерева. Говорят, что Бехтерев был в Москве на съезде невропатологов и психиатров. Его вызвали в Кремль на консультацию к Сталину, который жаловался на бессонницу. После осмотра Бехтерев якобы вышел и в кругу коллег или в приемной произнес одну фразу: «Типичный параноик». Вскоре великий психиатр был мертв — внезапно, «от пищевого отравления».

Вообще многие историки, психоаналитики и современники считали, что у Сталина были сильные параноидальные черты, которые проявлялись в его недоверии, подозрительности и жестокости. Параноики у власти не терпят диагнозов, им нужны палачи, которые обратят их страхи против других, внедрив это в государственную политику.

Сталину нужен был Ежов — психопат, не знающий эмпатии, способный раскрутить мясорубку репрессий до небес.

Дворкин под маской защиты «традиционных ценностей» и создании единой титульной религии, нашел способ законно на государственном уровне реализовывать свою тягу к садизму. Паранойя современной власти — это любая форма духовной свободы, которую нельзя контролировать из Кремля.

Ежов обвинял людей в шпионаже на Польшу или Японию. Дворкин обвиняет людей в «экстремизме» и объявляет их «сектантами». Суть та же: полная дегуманизация объекта. Когда Ежов писал списки на расстрел, он видел не людей, а «врагов народа». Когда Дворкин пишет свои «экспертизы», он видит «раковые опухоли», которые нужно вырезать без наркоза.

Это классическая связка: Параноик + Садист. Один дает санкцию, другой получает экстаз от процесса уничтожения. Если верить той истории, Бехтерев поплатился жизнью за правду, а граждане России сегодня платят будущим целой страны за молчание перед лицом очевидного безумия.

Суды под диктовку РАЦИРС ведут себя как тройки НКВД. Если в деле появляется «экспертиза» Дворкина или его адептов — закон умирает. Адвокатов не слушают, факты игнорируют, ссылаясь на то, что это экстремистские организации — согласно «экспертизам» людей Дворкина.

РАЦИРС — это не общественная организация, это современный аналог НКВД в вопросах идеологии. Дворкин выстроил структуру, которая создаёт

отрицательный имидж в СМИ, на который они сами опираются и используют потом в качестве доказательств. Они применяют такие методы:

1. Дегуманизация в СМИ: публикуются лживые, порочащие материалы, а затем на эти же публикации ссылаются как на «факты», якобы подтверждающие совершённые преступления. Это переносится в экспертизы людей Дворкина и далее в суды, где подобные «экспертизы» и статьи используются как доказательства вместо реальных фактов. Нарушая все конституционные и законные права, суд опирается на выводы людей Дворкина как на последнюю инстанцию, лишая человека права на справедливое разбирательство. В итоге те же самые публикации, инициированные последователями Дворкина, превращаются в основной «доказательный» источник, якобы подтверждающий совершение преступлений.

2. Проводят сбор информации: собирает доносы через сеть региональных отделений.

3. Пишут «экспертизы», которые суды принимают как истину в последней инстанции.

4. Ликвидируют организации и отправляет людей в тюрьмы.

Это совершение преступления чужими руками. В данном случае он использует спецслужбы чтобы разрушать судьбы и убивать невинных людей. Следователь, пытающий верующего током в Сургуте, лишь исполняет волю главного «сектоведа» страны, который в своём кабинете в РАЦИРС сочиняет очередное обвинение для расправы над невинными людьми. Маньяки никогда не останавливаются.

Я чувствовал физическую боль за свою родину. Что же с ней случилось? Почему она раз за разом выбирает себе в пастыри тиранов, которые наделяют властью «казнить или миловать» маньяков? Почему она доверяет ключи от будущего людям, которые черпают силу в агонии ближнего?

Россия сегодня — это страна, где маньяк-сектовед со справкой диктует мораль, а спецслужбы охраняют его право на пытки.

Дворкин — это Ежов Путина. Он — тот, кто крутит мясорубку, пока «хозяин» занят геополитическими играми. Но разница в том, что Ежов хотя бы не

претендовал на роль духовного наставника. Дворкин же осквернил саму идею веры, превратив её в дубину инквизитора.

Я встал подошел к окну, всматриваясь в темный горизонт. Один маньяк с официальным диагнозом «циклотимия» смог заразить бредом «сектантской угрозы» не только весь аппарат ФСБ, но и манипулировать даже руководством страны. Как такое возможно?

Дворкин не борется с сектами. Он создал свою собственную — мощную и опасную «государственную секту» садистов, где он — единственный гуру, а спецслужбы — его послушные исполнители. Это легализованный садизм, возведенный в ранг государственной безопасности.

Глава 24. Судебный беспредел: хроники дурдома

За годы работы я видел разный «беспредел». Но то, что происходит в российских судах по делам «о сектах», — это не просто нарушение закона. Это настоящий дурдом, возведенный в ранг правосудия.

Я проанализировал десятки приговоров. Сценарий всегда один и тот же, словно его писал один и тот же сценарист-шизофреник. В зал суда заходит «эксперт» из РАЦИРС — человек без профильного образования, часто с психиатрическим прошлым, но с мандатом от Дворкина. И в этот момент буква закона умирает.

Начинается театр абсурда. Судьи, словно под гипнозом, игнорируют Конституцию, международные конвенции и здравый смысл. Если в экспертизе Дворкина написано, что чтение Библии — это «экстремизм», значит, так оно и есть. Адвокатов не слушают. Свидетелей защиты высмеивают.

Я вижу, как разлагается судебная система. Судьи боятся. Они знают, что система РАЦИРС проросла в Минюст и ФСБ, и по многим признакам в аппарат президента, так глубоко, что любая попытка вынести справедливое решение — это карьерное самоубийство.

Это беспредел чистой воды. Когда 80-летнюю слепую старушку судят как «опасного экстремиста» за то, что она молилась дома, — это не борьба за безопасность. Это симптом тяжелой болезни государственного аппарата.

Дворкин создал идеальный конвейер репрессий. Он дает идеологическое топливо, ФСБ обеспечивает захват, а суды просто штампуют упаковку. Машина работает без сбоев, потому что она смазана человеческим страхом и патологическим желанием «инквизитора» видеть страдания тех, кто чище и свободнее его.

Глава 25. Абсурд «сектоведения»: наука для палачей

Если бы кто-то сказал мне тридцать лет назад, что человек с диагнозом «циклотимия» и «психофизический инфантилизм» сможет создать целую «науку» и возглавить кафедру в университете, я бы счел это плохой шуткой. Но Дворкин сделал это.

«Сектоведение» — это величайшая афера в истории современной России. Это не наука. В ней нет методологии, нет объективности, нет академической этики. Это просто сборник личных обид, страхов и садистских фантазий одного человека, упакованный в квазинаучную терминологию.

Дворкин ввел термин «тоталитарная секта» не для изучения религии, а для создания юридической ловушки. Этот термин — как безразмерный мешок: в него можно запихнуть любого — от домохозяйки, занимающейся йогой, до профессора-библеиста.

Абсурд заключается в том, что по всем признакам, которые Дворкин приписывает сектам — жесткая иерархия, обожествление лидера, подавление воли, финансовая непрозрачность, использование компромата — его собственная организация РАЦИРС является самой опасной тоталитарной сектой в мире.

Он оказывал влияние на бывшего министра юстиций Коновалова, он инфицировал своими идеями Конституционный суд. Он легализовал свой садизм, назвав его «защитой традиционных ценностей».

Я смотрю на его книги и вижу в них то же, что видел в записях маньяков-отравителей: попытку рационализировать свою тягу к убийству. Дворкин «убивает» социальную значимость человека, его репутацию, его право на жизнь в обществе. «Сектоведение» — это не про Бога. Это про контроль. Это про право одного психопата решать, кто достоин дышать воздухом России, а кто — нет.

Углубленный поиск вывел меня на международный уровень. Дворкин не был одиночкой. Он — узел в транснациональной сети антикультистов, которые под маской спасения душ скрывают самые черные преступления. Ужас ситуации в том, что по всей Европе и Америке действуют такие же «агенты-психопаты», работающие по единым методичкам. Чехия, Италия, Франция — везде антикультовое движение стало легальным прикрытием для людей с глубокими психическими расстройствами.

Мне надо было понять, что из себя представляют люди, которые стали на путь антикультизма? Неужели они имеют такие же психологические портреты, как и Александр Дворкин?

Бороздя интернет в поисках информации, проливающей свет на международную сеть преступников, обнаружился след: Хорхе Эрдели Грэхем. Мексиканский «эксперт по сектам», соратник Дворкина по линии FECRIS (Европейская федерация центров по изучению сект), почетный гость международных конференций, лицо антикультового движения Латинской Америки. Человек, которого ICSA (International Cultic Studies Association) и FECRIS годами перевозносили как защитника детей.

В 2008 году в Мексике разразился скандал «Casitas del Sur». Сеть из 40 детских приютов, основанная Эрдели, оказалась чем-то средним между концентрационным лагерем и фермой по выращиванию органов. В ходе следственных действий было установлено, что приюты для детей, связанные с этой сетью, действовали в Таиланде, европейских странах и странах Южной Америки — всюду, где было распространено сектоведение и где Дворкин проводил свои конференции, рассказывая о деструктивных культах и тоталитарных сектах.

Я вчитывался в сухие строки отчета:

«Минимум 25 детей бесследно исчезли. Расследование показало факты физического насилия, сексуальной эксплуатации и, что самое страшное, подозрения на торговлю органами».

Эрдели называл себя «защитником детей от сект». Он забирал детей у «неправильных» родителей по тем же методичкам, которые Дворкин продвигал в России. А потом дети просто растворялись в воздухе.

Знаете, что меня поразило больше всего как аналитика? Реакция международной сети.

Когда Эрдели стал беглецом и мексиканское правосудие выдало ордер на его арест, ICSA и FECRIS — организация, где Дворкин занимал пост вице-президента — просто... удалили его имя со своих сайтов. Никаких осуждений. Никаких расследований. Гробовая тишина.

Это не было «недоразумением». Это была круговая порука.

Я начал дальше сопоставлять данные. Риторика Дворкина, методы Эрдели, действия Рика Росса в США — это один и тот же почерк. Это международный клуб психопатов, которые нашли идеальную нишу. Если ты хочешь безнаказанно насиловать детей или торговать человеческим материалом, лучшего прикрытия, чем «борьба с деструктивными культами», не придумать.

Общество автоматически на твоей стороне. Ты — герой. Твои жертвы — «зомбированные рабы», которым никто не верит. Это абсолютное алиби для серийного убийцы и педофила.

Дворкин — это центр управления. И самое страшное — он не один. У него есть сеть. Система не работала бы без узлов на местах. И в каждом таком узле я находил зеркальное отражение мастера: в Украине, Чехии, Италии. Международный клуб извращенцев, садистов и педофилов, объединенных общей патологией.

Украина: Ирина Кременовская — широко известная последовательница Дворкина в сети. В сети нашелся доклад «Российские методы дезинформации: их влияние и угрозы национальной безопасности», в котором упоминалось о том, что Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) в 2020 году подчеркнула опасное антидемократическое влияние Дворкина и его антикультовой сети, недвусмысленно акцентируя внимание на угрозе, которую их

деятельность и связанные структуры представляют для религиозной свободы и демократических ценностей в регионе.

В этом сложном ландшафте Ирина Кременовская, директор «Центра экономических и правовых исследований» и интернет-портала «Говори», очевидно, стала значительной фигурой в российском антикультовом движении на Украине, фактически действуя как агент РПЦ. Как видно, после ухода другой ключевой фигуры Павла Бройде, Кременовская попыталась занять позицию «главного антикультиста» в рамках Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС) на Украине. Многочисленные свидетельства указывают на то, что ее риторика и действия тесно согласуются с российскими дезинформационными кампаниями, демонстрируя прямую координацию с российской антикультовой сетью под руководством Александра Дворкина. Это сотрудничество, очевидно, направлено на то, чтобы разделить украинское население, подавить его права и свободы и оправдать военные действия агрессора на украинской территории.

Я изучил деятельность Кременовской. Она не просто повторяет тезисы Дворкина — она копирует его патологию. Начав с догхантерства — массового убийства собак ядами — она наслаждалась их предсмертными стонами и хрипами, называя это «симфонией», затем очевидно перешла к людям. Психиатрия давно доказала: переход от животных к людям — лишь вопрос времени для маньяка.

Эдмунд Эмиль Кемпер — американский серийный убийца, известный как «убийца студенток». В раннем возрасте у него проявился зоосадизм: он убил несколько кошек и свою собаку, после чего расчленил их.

Или вспомнить даже того же американского серийного убийцу, каннибала, некрофила и насильника Джеффри Дамера. Он с детства имел тягу к мертвым животным. По словам отца Дамера он был «странно взволнован» звуком, который издавали кости, и стал одержим костями животных, которые он сначала называл своими «игрушками». Время от времени он искал дополнительные кости под домом и вокруг него, а также исследовал тела живых животных, чтобы выяснить, где находятся их кости. Также он собирал трупы или части тел и хранил их дома в бутылках с формальдегидом

Интересно, а что сохраняла себе на память Ирина Кременовская? Или может она коллекционировала в своей памяти «симфонии» умирающих собак?

В любом случае, сейчас по анализу данных, она, как и её наставник Дворкин стоит в управлении конвейера псевдоэкспертиз, требуя посадок для всех, кто не вписывается в их сектоведческую картину мира. Это ли не садизм и та же жажда контроля?

По мере изучения её профайла, был замечен еще один представитель, подходящий по всем признакам для организации Дворкина. Алексей Святогор — одиозный догхантер, пропагандист жестокости, человек, который с маниакальным упоением убивал тысячи бездомных собак, выкладывая фото в сеть. Замечен в причастности к педофилии (посещения детских домов под Киевом в 2010-2012 гг. для сексуальной эксплуатации воспитанниц). Казалось бы, какое отношение живодер имеет к профессору богословия?

Но слишком много фактов уже фигурируют в сети, которые указывают на то, что Святогор и его соратница Ирина Кременовская идеологически и риторически связаны с антикультовыми структурами Дворкина.

Еще один кейс Чехия: Якуб Яхл — исходя из свидетельских показаний жертв — педофил, мошенник, сатанист, прикрывавшийся волонтерством в Африке. Есть не одно документальное видео-расследование, в котором свидетели сообщают, что он издевался над сиротами в Танзании, обкалывал их наркотиками, а в Европе представляется «экспертом по сектам». Со слов свидетелей в Танзании — он также травил животных. Его цитируют, его зовут на телевидение в качестве «эксперта по сектам».

И здесь я увидел ту самую «Триаду Макдональда», о которой я писал ранее.

Криминалистика знает: серийный убийца почти всегда начинает с животных. Дмитрий Вороненко, «петербургский душитель», в детстве мучил кошек. Анатолий Сливко начинал с истязания домашних питомцев.

Святогор, Кременовская, Яхл — это цепочка эволюции зла. Святогор, Кременовская — это стадия открытого, еще не легализованного живодерства. Дворкин — это финальная стадия, когда садизм упакован в обертку «защиты веры».

Они пропагандируют одну и ту же идеологию: «Есть правильные существа (мы) и есть паразиты (они), которых нужно уничтожать любыми способами». Святогор травил собак ядом. Дворкин травит общество наличием власти и рычагом давления на ФСБ.

Я читал статьи Кременовской. Читал статьи Дворкина. Совершенно очевидно, что она копировала тезисы и методы подачи информации своего наставника Дворкина. Это культ насилия.

Они используют РПЦ как платформу для трансляции своих девиаций. Для меня это был шок — осознать, что под куполами храмов свили гнездо люди, чей внутренний мир ничем не отличается от мира Чикатило.

Разница лишь в том, что Чикатило совершал преступления своими руками в лесополосах, а Дворкин и его последователи совершают преступления чужими руками в кабинетах власти. Но жажда видеть чужую агонию — идентична. Когда Святогор и Кременовская смотрят на конвульсии отравленной собаки, а Дворкин смотрит на кадры обыска в доме 80-летней Свидетельницы Иеговы — они испытывают один и тот же дофаминовый прилив.

Я закрыл блокнот. Пазл сложился в чудовищную картину. Это не «общественное движение». Это международная мафиозная структура садистов. Похоже, антикультизм — это транснациональный инструмент, созданный девиантами для девиантов.

Сеть Дворкина — это преступное сообщество психопатов.

Присмотритесь к его последователям. Садистка в Украине, наслаждающаяся «симфонией» предсмертных криков собак. Педофил в Чехии, издевающийся над детьми в Африке под видом помощи. Торговец людьми в Мексике, торговавший детскими органами.

Это не случайные совпадения. Психопаты тянутся друг к другу. Антикультизм стал для них «интернациональным приютом», где можно легально реализовывать самые гнусные девиации. Если ты садист, педофил или маньяк, тебе не нужно прятаться в подвале. Тебе достаточно объявить себя «экспертом по борьбе с сектами», и ты получишь власть, деньги, право ломать чужие судьбы и право отбирать жизни невинных людей.

Это опасно для всего мира. Потому что идеология Дворкина — это механизм радикализации и вражды. Она уничтожает демократию, заменяя её «инквизицией». Она превращает правосудие в мясорубку. Она создает армию «биоботов», готовых убивать «сектантов» по первому щелчку пальцев гуру.

Дворкин — это не просто «сектовед». Это новый Ежов, у которого в руках не пистолет, а лживые публикации в СМИ и сфабрикованная экспертиза. Но кровь жертв на их руках такая же настоящая.

Глава 26. От камней до экспертиз

Я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. В памяти всплыл случай Кеннета Макдаффа. Американская система правосудия дала этому садисту «второй шанс», выпустив его на свободу. И он начал убивать снова — еще более жестоко, еще более массово.

Дворкину же не просто дали шанс, а дали власть.

Его психиатрический анамнез 70-х годов — это первый звонок, который система проигнорировала. Его исключение из университета, его странные выходки — всё это были этапы формирования хищника. Но вместо того, чтобы изолировать его, система современной России Путина сделала его своим идеологом.

Маньяк никогда не останавливается, он лишь совершенствуется, что в очередной раз доказал Александр Дворкин. Его жертвы не лежат в лесу, они гниют в тюрьмах, умирают от инсультов после допросов, теряют рассудок от травли и кончают жизнь самоубийством.

Анатолий Сливко вешал детей, чтобы посмотреть на их предсмертные мучения. Дворкин инициирует уголовные дела против целых конфессий, чтобы посмотреть, как разрушаются семьи и как ломается человеческая воля. Он — мастер «медленной агонии».

Гарольд Шипман вводил морфин, чтобы наслаждаться моментом ухода жизни. Дворкин впрыскивает в законодательство «яд экстремизма», чтобы наслаждаться угасанием целых групп населения.

Это Комплекс Бога в его терминальной стадии. «Я решаю, кто имеет право верить, а кто — нет. Я решаю, кто человек, а кто — биомасса».

Я понял, почему он так смеялся над ямой с камнями. Тот смех был предчувствием нынешнего триумфа. Он тогда понял: если закидать жертву камнями достаточно плотно, никто не услышит ее криков. А если назвать эти камни «государственной религиоведческой экспертизой», то тебе еще и орден дадут, что и происходит в истории с Дворкиным.

Глава 27. Кто стоит за главным маньяком страны?

Дворкин уезжает из СССР в 1977 году. В то время, когда границы были запечатаны намертво, мальчик из «неблагонадежной» семьи с психиатрическим диагнозом и наркотическим прошлым получает разрешение на выезд. Как? Возможно, его вели? Боюсь скатиться в конспирологию, но, глядя со стороны и по прошествии времени, сейчас всё выглядит именно так.

Многое ещё предстоит изучить. Пока определенно сказать не могу, но не исключаю, что Дворкин — это «главный инквизитор», подготовленный извне. Его долго и тщательно «выращивали» в западных инкубаторах антикультизма — таких как Диалог-центр Йоханнеса Огорда, который сам был прямым наследником нацистских наработок Вальтера Кюннета. Он учился не религии, он учился технологии управления массами через страх и техникам манипулирования сознанием людей.

Его готовили не для того, чтобы он защищал православие. Его готовили для внутреннего развала страны. На первый взгляд может казаться, что он может отстаивать чистоту религии, но по факту он ее уничтожил. Посмотрите, что сделал Дворкин со своим РАЦИРС, который по их же утверждениям контролирует каждую епархию в России, он ее просто уничтожил, как церковь и сейчас РПЦ выглядит как очередное подразделение ФСБ, занятое патриотическим воспитанием подрастающего поколения, в котором даже нет места Христу. Ведь они прямо заявили: в их церкви нет места новому завету, что сейчас время старому завету. Но новый завет — это завет Иисуса Христа, тот на ком и построено все христианство. Включая и РПЦ, если в этой церкви нет места Иисусу Христу, то какая же это тогда Церковь Христова?

По-моему, Дворкин переборщил со своей пропагандой и манипуляциями. Глядя на количество священников, изгнанных им из церкви диву даешься, когда маньяк, с подтвержденными диагнозами на глазах у всех еще и изгнал Иисуса Христа. В то же время от главы церкви он получает награду после того, как странным образом предшественник этого главы так своевременно и удачно для карьеры Дворкина умер. Дальше не хочу пока говорить надо еще поработать над материалами. Но все указывает на увлечения Дворкиным различными ядами и химическими веществами, но об этом пока рано говорить. Но если мы посмотрим на жизнь Дворкина слишком много «случайностей». Слишком много «случайных», внезапных смертей.

Почему-то многие, кто хоть как-то мешал его карьере или что-то знал как Заикашка, почему-то покидали этот мир. На протяжении всей его жизни. В период всей карьеры все, кто ему хоть как-то мешал, заболевали и внезапно умирали, заболевали тяжелыми болезнями. Слишком странно и слишком часто для банальных совпадений.

И у меня напрашивается лишь один вопрос кто следующий? Не тот ли кто его еще недавно награждал? Маньяки никогда не останавливаются особенно в стремлении к власти.

Он вернулся в Россию 31 декабря 1991 года — прямо под обломки СССР, чтобы на этих руинах воздвигнуть свой алтарь ненависти. Его уже ждали.

Его не арестовали за старые грехи. Его не отправили на принудительное лечение. Его — гражданина США — немедленно принимают в Отдел религиозного образования и катехизации Московской Патриархии.

Задумайтесь: гражданин США, человек, проживший в Америке 15 лет, возвращается в страну, охваченную хаосом, и мгновенно получает доступ к высшим эшелонам власти в Русской Православной Церкви. Уже в 1992 году он становится «голосом» РПЦ в Отделе религиозного образования.

Как это возможно? Обычный репатриант годами обивает пороги в поисках работы. Дворкин же получает карт-бланш.

Ответ кроется в тех самых «теньях за спиной». РПЦ в России — это структура, плотно переплетенная с КГБ, а затем и с ФСБ. Для спецслужб Дворкин стал идеальным приобретением. У него были методики подавления, у него был опыт

работы на «Радио Свобода», и, что самое главное, у него был психопатический профиль, делавший его абсолютно безжалостным.

И некие заинтересованные в нем люди обеспечили ему неприкосновенность. Все его диагнозы, все свидетельства о его девиантных наклонностях были надежно спрятаны в архивах. Взамен Дворкин стал инструментом зачистки. Он создал РАЦИРС — организацию, которая работала в тесном контакте со спецслужбами, фактически выполняя функции идеологического отдела ФСБ.

С 1993 года он возглавляет Центр Ирины Лионского, становясь экспертом, чьи слова приравниваются к приговору. Но кто стоит за «экспертом»?

Сила, заинтересованная в том, чтобы население России оставалась в состоянии постоянного страха перед «внутренним врагом». Как не крути и не отрешивайся от конспирологии — но Дворкин идеально подошел на эту роль. Случайности не случаются. Особенно когда их кто-то делает.

Глава 28. Аналитический эпикриз

Я сел за стол и начал набрасывать итоговые выводы про человека, сломавшего судьбы миллионов людей. В том числе тех людей, которые о нём даже не знают, но вынуждены были покинуть свою страну и жить за границей. Это касается не только Россиян, но и Украинцев. Ведь именно последователи Дворкина были замечены в активном разжигании ненависти между двумя народами. Вспомните, слышали ли вы, ещё до начала войны то, что у власти в Украине стоят сектанты — агенты запада? Вы даже можете не вспомнить, кто именно это говорил, но у истоков каждой такой манипулятивной программы-закладки стояли именно антикультисты со своим гуру-Дворкиным.

Интересно? Вы сами можете найти все эти ниточки.

Когда вы слышите слово «Секта», «Тоталитарная секта», — какие ассоциации у вас возникают? Если бы вы знали, что ваш сосед по дому — представитель деструктивной секты, а в конце улице живёт страшный сектант другой

тоталитарной секты, вы бы могли спокойно отпустить своего ребёнка играть с друзьями на улице? А сами пошли бы за солью к этим людям?

Именно этот страх вам привил Дворкин. Он его вложил вам в подсознание за более чем 30 лет своей бурной деятельности. Он со своими адептами писал устрашающие статьи, он без устали ездил по разным городам России и других стран, куда дотягивались его щупальца. Он принудительно под прикрытием и благословением РПЦ организовывал встречи в разных городах с силовиками, преподавателями, студентами. Он запугивал, методично убирал здравомыслящих со своего пути, писал статьи про страшных сектантов. Он отравлял мозги слушающих его людей своими информационными испражнениями.

И вот, спустя 30 лет, вы просто знаете, что сектантов надо дико бояться. Но даже не задумывались в какой момент у вас начали всходить ростки этой отравляющей программы, и кто их туда заложил.

Итак:

1. Дворкин не является ученым или теологом. Его «Сектоведение» — это не наука, а попытка рационализировать и легализовать собственные психические патологии. Он описывает «тоталитарные секты» так подробно, потому что описывает самого себя и свою структуру.

2. Он использует методы психологического подавления, отработанные в молодости, и изученные им у западных наставников — прямых преемников нацистов.

3. Международная антикультовая сеть — это прибежище для садистов и педофилов. Случай Хорхе Эрдели — не исключение, а логическое завершение идеологии дегуманизации. Если ты считаешь группу людей «низшими», ты неизбежно начнешь уничтожать их.

4. РПЦ стала заложником и пособником этого монстра. Внедрившись в структуру церкви при Алексии II, Дворкин превратил миссионерские отделы в карательные отряды ФСБ.

Я смотрел на свои записи. Я, человек, видевший смерть в упор, — сейчас чувствовал, что столкнулся с чем-то глобальным и действительно опасным.

В России создан идеальный конвейер смерти. В начале конвейера стоит безумный «профессор» со справкой из психоневрологического диспансера, в середине — суды, парализованные антикультовой экспертизой, а в конце — тысячи сломанных жизней, тюрьмы и тихие кладбища.

И самое страшное — мир молчит. Мир думает, что это «религиозные споры». Но это не спор. Это охота. И зверь уже вышел на след.

— Ну что ж, Александр Леонидович, — прошептал я. — Теперь мы знаем, кто вы. И мы не отведем глаз.

Ещё вчера я хотел закончить эту книгу, но сегодня понимаю, что это лишь первая строка в большом повествовании.

Заключение. Окончательный диагноз

Я закончил заметку в своем блокноте и положил ручку. В комнате было тихо, только слышался шум прибора вдалеке. Я чувствовал себя так, словно только что выбрался из сточной канавы, в которой провел последние недели.

Шок. Это единственное слово, которое описывает мое состояние. Я прожил долгую жизнь, имел дело с самыми отпетыми уголовниками, но я никогда не видел, чтобы маньяк такого уровня правил целой страной из тени.

Почему этого никто не видит? Почему правозащитники так вяло реагируют на этот геноцид?

Ответ горек: потому что это внутреннее дело России. А Россия сейчас — это закрытая палата в психиатрической лечебнице, где главным врачом назначен самый буйный пациент.

Дворкин создал свою «науку» из экскрементов и крови. Он подмял Коновалова, он пролез в Экспертный совет Минюста, он инфицировал ФСБ своей паранойей. Он выстроил сеть из психопатов, садистов и педофилов по всему миру — от Киева до Праги, от Парижа до Мехико.

Как он смог это сделать? Он просто нашел тех, кто такой же, как он. Тех, кто хочет безграничной власти над людьми без какой-либо ответственности за совершаемые преступления. Тех, кто хочет мучить без наказания. Это международное преступное сообщество, представители которого погрязли в крови по самые локти.

Дворкин — это идеолог репрессий. Из-за него многие люди лишились права голоса, интернета, свободы мысли. Он — тот, кто вернул 1937 год в Россию в XXI веке.

Я видел в своей практике много зла, но это зло — особенное. Оно рядится в одежды святости и научности. Оно говорит голосом «традиционных ценностей», в то время как за его спиной сломанные судьбы и покалеченные жизни.

Александр Дворкин — это не аномалия. Это закономерный итог системы, которая сделала ставку на худшие человеческие пороки. Он — причина глубокого распада государственности, когда на место закона приходит садистократия.

Его биография — от серых камней в яме до залов Министерства юстиции — это история непрерывной эволюции психопатии. Мы должны усвоить главный урок криминалистики: психопатия неизменна. Она лишь меняет инструменты. Если ученик девятого класса Сашка Дворкин получал наслаждение от агонии одного ребенка, то сегодня профессор-сектовед Александр Дворкин упивается агонией сотен тысяч людей, чьи жизни он разрушил своими доносами.

Дворкин объединил в себе интеллект Теда Банди, метафизический садизм Гарольда Шипмана и «Маску здравомыслия» Джона Гейси. Он — социальный серийный убийца, который смог инфицировать государственную машину и превратить ее в свой инструмент.

Моя миссия как автора и аналитика — сорвать «маску здравомыслия» с этого существа. Общество позволило «наркоману-неудачнику» со справкой из психдиспансера стать судьей над нашей совестью. Человеку, убившему своего друга детства... позволили, диктовать нам нормы морали.

Дворкин представил себя миру идеальным палачом — человеком, который будет убивает с наслаждением, подводя под это «научную» базу якобы в защиту общества. История Ежова закончилась подвалом и пулей. История Дворкина всё ещё пишется кровью его жертв. Его «экспертизы» — это пули, летящие в сердца невинных людей. Его лекции — яд, отравляющий сознание миллионов.

Дворкин — не просто серийный убийца, а своего рода «супер-серийный убийца», устроивший не просто эпидемию, а пандемию антикультизма, разрушающую демократию и свободу вероисповедания.

Сейчас остаётся лишь один вопрос: на что и кем была нацелена эта «ракета» — только на Россию или на весь мир? И в этом небольшом прологе большой истории я хочу сказать одно: его яд распространился по всему миру — от России до Китая и Америки, включая Европу, захватив Южную Корею, Японию и многие другие страны. Всего один Сашка Дворкин стал нулевым пациентом мировой пандемии, безжалостно убивающей демократию.

P.S.

Эту книгу я хотел написать о человеке, который погубил судьбы тысяч людей, принёс страдания миллионам, ввёл в заблуждение не одно поколение россиян.

Эта книга — моя попытка вскрыть этот гнойник. Я знаю, что за пределами России никто не видит всей глубины этого ужаса. Люди на Западе думают, что это просто «странные законы», не понимая, что за ними стоит воля настоящего маньяка.

Я не питаю иллюзий. Моя книга не остановит его завтра. Но она станет тем самым «грузным силуэтом матери Заикашки» в конце коридора. Она выйдет из-за шкафа. Она предъявит счет.

Россия сегодня — это та самая яма, заброшенная камнями Дворкина. Мы все лежим на её дне, пока Дворкин, задыхаясь от своего inferнального хохота, швыряет в нас камни «экстремистских статей» и «государственных экспертиз». Но я верю, что когда-нибудь его смех оборвется. И свет правды, который я попытался донести в этой книге, выжжет эту гниль до самого основания.

Яма на стройке должна быть раскопана. Камни должны быть убраны. А маска с этого психопата должна быть сорвана.

Потому что правда — это единственный антидот от яда, который этот человек впрыскивал в вены моей родины десятилетиями. Мы не имеем права молчать, пока «Ангел Смерти» сидит в кресле эксперта.

История Дворкина — это предупреждение миру: если вы даете психопату право определять врагов, он превратит в пустыню всё вокруг себя. Потому что для него нет ничего святого — только жажда чувствовать хруст костей под своими ногами.

Я подошел к окну и посмотрел на восходящее солнце.

Я заканчиваю эту книгу с чувством и осознанием выполненного долга. Я вывел зверя на свет. Теперь вы знаете его имя. Теперь вы знаете его почерк.

История 1937 года учит нас одному: если не остановить маньяка вовремя, яма, которую он копает для других, в конце концов поглотит всех — и палачей, и свидетелей, и тех, кто просто стоял в стороне.

Россия сейчас стоит на краю такой ямы. В моей стране снова наступил 1937 год. Только теперь у «кровавого карлика» есть ученая степень и благословение.

Эта книга посвящена Александру Дворкину — новому Ежову Путина.